

Министерство общего и профессионального образования  
Российской Федерации  
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

**Н.В. РЯБИНИНА**

**ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ  
И ПРЕСТУПНОСТЬ  
В 1920-е ГОДЫ**  
*(по материалам губерний Верхнего Поволжья)*

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Ярославль 1999

ББК ТЗ(2)61я73  
Р98

**Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы** (по материалам губерний Верхнего Поволжья): Учебное пособие / Н.В. Рябинина. Ярослав. гос. ун-т. Ярославль, 1999. 58 с.  
ISBN 5-8397-0011-8

Рассмотрены вопросы, связанные с ликвидацией детской беспризорности и преступности в Советской России в 1920-е годы: определены источники и масштабы данных социальных бедствий; показано законодательное оформление и реальное осуществление различных форм борьбы с ними, деятельность государственных и общественных организаций в этом направлении; выявлены особенности осуществления социальной политики по охране детства в регионе Верхнего Поволжья.

Предназначено для студентов вузов, изучающих отечественную историю.

**Рецензенты:** кафедра отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; канд. ист. наук Е.Е. Голубев.

Дизайн обложки: А.Е. Рябинин  
Художник: О.Е. Грекова

Автор благодарит городской музейно-выставочный зал (тел. 32-83-83) за содействие в изготовлении обложки.

© Ярославский государственный  
университет, 1999  
© Н.В. Рябинина, 1999

## Введение

Рассмотрение социальных проблем 1920-х гг. имеет сегодня не только научную значимость вследствие слабой изученности темы и важности ее для понимания специфики периода НЭПа, но и вполне современное звучание. С детской беспризорностью мы знакомы сегодня не понаслышке. С каждым годом число таких детей в нашей стране растет. И вместе с обострением данной проблемы растет необходимость найти наиболее эффективные способы для нормализации ситуации. Помочь в этом может изучение сходных процессов прошлого и творческое использование опыта, накопленного в предшествующие периоды. Исторические параллели приводят нас, таким образом, в период НЭПа.

Данный период отечественной истории, представлявший собой принципиально новый этап в политическом, экономическом развитии страны, являлся таковым и в социальной сфере. В это время происходил переход от системы единого и равного для всех граждан социального обеспечения, действовавшей в первые послереволюционные годы, к системе различных форм обеспечения для различных социальных групп. Такой переход был напрямую связан с принятием нового экономического курса в стране. Если раньше, в связи с национализацией промышленности, установлением продразверстки в сельском хозяйстве, провозглашением принципа всеобщей трудовой повинности, все граждане были обязаны государству своим трудом и все имели право на государственное социальное обеспечение, то теперь ситуация значительно изменилась. Введение продналога вместо продразверстки, частичное возрождение частной промышленности и торговли, а также необходимость до минимума сократить расходы на социальные нужды привели к тому, что социальная поддержка крестьянства стала производиться в порядке взаимопомощи, рабочих – за счет социального страхования. Государственное обеспечение было сохранено только для инвалидов войны и семей красноармейцев. В крайне тяжелом положении оказалось такое направление социальной политики, как охрана материнства и детства. Ситуация усугублялась тем, что перспективных программ по функционированию социальной сферы в новых экономических условиях разработано не было, и политика в этой области осуществлялась мето-

дами проб и ошибок. Постоянно возникали противоречия между провозглашенными социальными лозунгами, реальными возможностями страны и задачами восстановления экономики, в том числе за счет сокращения затрат на социальную сферу. В течение всего десятилетия происходил процесс приспособления двух направлений государственной политики: экономической и социальной, выработки оптимального их соотношения.

Одной из самых сложных социальных проблем 1920-х гг., одной из самых ярких примет данного времени являлась детская беспризорность. В 1921 – 1922 гг., в связи с последствиями войн, экономической ситуацией в стране, голодом в Поволжье, детская беспризорность и как следствие ее – детская преступность достигли небывалых, катастрофических размеров. По утверждению Деткомиссии при ВЦИК, эти явления грозили “если не вымиранием подрастающего поколения, то его физическим и моральным вырождением”<sup>1</sup>. Подобная ситуация, конечно, требовала пристального внимания со стороны государства, общественности, которым необходимо было разработать и осуществить меры помощи таким детям, повернуть их жизнь в нормальное русло. В связи с этим возникает целый ряд вопросов: что представляли из себя беспризорные дети, что толкало значительную часть из них на совершение преступлений, какие способы ликвидации детской беспризорности и преступности использовались, как эти способы менялись в течение 1920-х гг., какую роль в борьбе с беспризорностью играл детский дом и, наконец, были ли достигнуты желаемые цели? Данное учебное пособие призвано помочь найти ответы на все эти вопросы, глубже понять особенности сложного и интереснейшего периода отечественной истории.

## **Глава 1. Детская беспризорность и преступность в первые годы НЭПа (1921 – 1925)**

Беспризорность, как явление, порожденное сиротством, а также социально-экономическими условиями, окружающими ребенка, возникло в России задолго до Октябрьской революции 1917 г. Масштабы беспризорности в разное время были различными, но несмотря на некоторые колебания, до XX в. численность таких детей оставалась небольшой. Первоначально решение данной проблемы возлагалось главным образом на общины. С конца XIX в. активизировалась также деятельность государства, земств, общественности. Стали создаваться воспитательные дома-приюты, развивалась система патроната в крестьянские семьи, в отдельных губерниях поощрялось усыновление, в том числе за плату<sup>1</sup>. Поскольку воспитательные дома были малочисленны, последние формы призрения детей были более распространенными и позволяли решать проблему меньшими затратами. Дореволюционные общественные организации, как правило, имели четкую специализацию. Существовало, например, “Общество защиты детей от жестокого обращения”, “Общество попечения над малолетними преступниками”, “Общество спасения падших девушек” и др.<sup>2</sup> Кроме того, забота о брошенных или осиротевших новорожденных детях осуществлялась в богадельнях при монастырях.

Названная система ликвидации беспризорности имела целый ряд как достоинств, так и недостатков. Положительной стороной являлось развитие патроната, усыновлений, которые позволяли воспитывать ребенка в привычных семейных условиях. Однако при недостаточном контроле за жизнью отданных на попечение детей эта мера нередко приводила и к негативным результатам. Государственные приюты также не всегда отвечали своему назначению, как в материальном, так и в воспитательном плане. В приютах и богадельнях для грудных детей очень высока была смертность, доходившая до 80 - 90%<sup>3</sup>. Но в целом, в условиях относительно спокойной и ровной жизни, эта система действовала и справлялась с ситуацией.

Серьезный сбой в работе системы возник во время первой мировой войны, когда численность беспризорных детей резко возросла. В дальнейшем, ситуация продолжала обостряться. Вслед за одной войной последовала другая - гражданская, не менее разрушительная и кровавая.

Развал экономики, голод, наступившие в первые послереволюционные годы также не способствовали улучшению положения детей. Максимальный рост детской беспризорности наблюдался в 1921 - 1922 гг. В это время, по примерным данным Деткомиссии при ВЦИК, насчитывалось до 7 млн. беспризорных детей<sup>4</sup> (точные подсчеты в тех условиях произвести было невозможно). Не случайно А.В. Луначарский называл это явление “болезнью, грозящей подточить корни будущих поколений”<sup>5</sup>.

Уже с 1917 г. в стране начался процесс создания целого комплекса государственных организаций центрального и местного уровня, общественных организаций, основной задачей которых являлась ликвидация беспризорности. К 1921/1922 г. действовали следующие из них: Главное управление социального воспитания (Главсоцвос) при Наркомпросе, подотделы социального воспитания при отделах народного образования местных исполкомов, Центральная и местные комиссии по делам несовершеннолетних, Детская социальная инспекция, Деткомиссия при ВЦИК; со второй половины 1920-х гг. - местные деткомиссии, общества “Друг детей”, “Друг беспризорного ребенка”. Однако, несмотря на большое количество различных органов, занятых решением этой проблемы, формы борьбы с детской беспризорностью до середины 1920-х гг. не отличались разнообразием. Основной из них считалось создание сети детских домов.

В создававшейся в послереволюционный период системе социальной защиты детей детский дом занимал совершенно особое место. Он рассматривался не только как основное средство ликвидации растущей беспризорности, не только как одна из форм учреждений, облегчающих положение женщины и дающих детям необходимое социальное воспитание, но и как альтернатива семье. На гребне революционного переустройства жизни казалось, что прежняя форма семьи не в состоянии осуществить задачи подготовки “нового человека”. Старой домо-строевской семье противопоставлялась “семья коммунистическая” – детский дом, который, по мысли партийных идеологов и ряда педагогов, даст много больше для всестороннего развития личности – “.....здесь элементы науки, техники, искусства и социальных взаимоотношений представлены полнее....., здесь благо общества, социализм явится благом каждого отдельного индивидуума. В то время как семья воспитывает, в большей своей части, узких, себялюбивых эгоистов”<sup>6</sup>.

В связи с новыми задачами, бывшие дореволюционные приюты организационно перестраивались. Наряду с этим, создавались новые детские дома. В общей сложности в 1917 г. детскими домами было ох-

вачено 25 666 детей, в 1918 г. - уже 75 тыс., в 1919 г. - 125 тыс.<sup>7</sup>, а в 1921 г. - 205 703 ребенка<sup>8</sup>.

Исходя из Устава детского дома, принятого в 1921 г., в детские дома могли приниматься дети с 3-х до 16 лет<sup>9</sup>. Для детей 3 – 7 лет предназначались дошкольные детские дома, с 7 до 16 – школьные, для детей от 13 до 16 лет иногда устраивались подростковые детские дома. Намного реже встречались смешанные учреждения данного типа для детей всех возрастов. Что касается совсем маленьких детей – до 3-х лет, то для них создавались дома ребенка, находившиеся не в ведении Наркомпроса, как остальные детские дома, а в ведении отдела охраны материнства и младенчества Наркомздрава. Кроме возраста находившихся в них детей, детские дома различались по способу функционирования – дома-коммуны, колонии; выделялись также учреждения для физически и умственно дефективных детей, для детей-правонарушителей. Воспитание в детских домах предполагалось осуществлять на основе “принципов коллективизма и организации трудовых процессов”. Чтобы устранить изолированность данных учреждений, их воспитанники должны были обучаться в общих районных школах.

Для более четкой и слаженной работы детских домов создавался также ряд вспомогательных учреждений, прежде всего приемников и распределителей. Приемник был местом оказания первой помощи, неким карантинным пунктом, откуда дети направлялись в распределитель. Там они находились более длительное время, адаптировались к новым условиям жизни и, кроме того, изучались специалистами для правильного подбора дальнейшего детского учреждения. Похожую роль осуществляли и так называемые медико-педагогические учреждения-изоляторы, в которые помещали детей с определенными психическими отклонениями для изучения, лечения их и отправления впоследствии либо в детские дома для нормальных детей, либо в учреждения для “морально-дефективных”, либо в лечебно-оздоровительные учреждения.

Кроме названных, к особому типу детских учреждений следует отнести ночлежки для беспризорных детей. Их отличительной чертой являлась добровольность прихода и возможность свободного ухода детей. Ночлежки выполняли роль своеобразного переходного к детскому дому звена для “наиболее запущенной группы беспризорных, избегающих детские учреждения”. В задачи ночлежек входило не только некоторое материальное обеспечение, но и приучение детей к труду, коллективной жизни. Действовал “метод естественных последствий”: “кто не работает в доме дневного пребывания, тот не ест; кто нарушает установленный режим, подлежит удалению” из ночлежки<sup>10</sup>.

Наряду с ростом детской беспризорности, в послереволюционный период наблюдалось еще одно негативное явление - резкое увеличение детской преступности. К 1920 г. по сравнению с 1913 г. она возросла более чем вдвое, с 1916 г. - на 38,5%<sup>11</sup> и продолжала увеличиваться. Детская преступность во многом представляла собой продолжение детской беспризорности и определялась, с одной стороны, смещением моральных ценностей у таких детей, а с другой - простой необходимостью добывать средства к существованию. Для решения данной проблемы во главу угла был поставлен принцип перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. Дореволюционная система перевоспитания была признана негодной, и началом ее организационной перестройки явился декрет от 14 января 1918 г. Этот декрет увеличивал период так называемого "полного психического невменения" за противозаконные деяния с 10-летнего возраста, как это было установлено в старом уголовном законодательстве, до 17 лет<sup>12</sup>. А несколько позднее - по декрету от 4 марта 1920 г. - этот период был увеличен до 18 лет<sup>13</sup>. Дела о правонарушителях, не достигших указанного возраста, должны были теперь направляться в особые государственные органы - Комиссии по делам несовершеннолетних, которые и определяли меру воздействия за тот или иной проступок (от внушения, передачи на поруки родственникам до помещения в специализированные приюты и даже передачи дела в суд - в случаях "упорных рецидивов, систематических побегов из детских домов, при явной опасности для окружающих оставления несовершеннолетнего на свободе"<sup>14</sup>).

Параллельно с созданием специальных органов для ликвидации детской преступности шел процесс изучения этого социального явления. Уже в 1918 г. в Петрограде был открыт Государственный институт дефективного ребенка, с той же целью проводились различные съезды и конференции специалистов данной области. Первоначально, по мнению специалистов, выделялись "два фактора влияний на развитие преступности вообще: 1) личные свойства индивидуума (не каждый беспризорный становится преступником); 2) социальные условия"<sup>15</sup>. Причем, основной упор делался на первый фактор. Именно поэтому вслед за уничтоженным (по декрету от 17 января 1918 г.) термином "малолетний преступник" появилось новое, не менее ужасное определение таких детей - "морально-дефективные". Существовали даже особые разряды дефективности: первой, второй и третьей степени. Например, к разряду "дефективных первой степени" относились дети, "которые лгут, курят, отличаются плохим поведением". Далее следовали разряды еще более "испорченных" детей<sup>16</sup>.

Максимальный количественный рост детской преступности (так же, как и беспризорности) приходился на 1921 – 1922 гг. Только зарегистрированных правонарушителей, прошедших через Комиссии по делам несовершеннолетних, насчитывалось за 1921 г. - 54 906, за 1922 г. - 53 374<sup>17</sup>. Но далеко не все правонарушения регистрировались и, тем более, раскрывались. По приблизительным данным некоторых местных ОНО, в эти годы из каждых 100 беспризорных детей 81 совершал какое-либо правонарушение<sup>18</sup>. Подавляющую часть правонарушений составляли кражи (до 91%)<sup>19</sup>, но кроме них детьми совершались и более серьезные преступления - разбой, изнасилования, убийства. Меры воздействия также были различными. Они зависели от тяжести содеянного, количества правонарушений, совершенных ранее, наличия или отсутствия семьи. Так, часть детей передавали на поруки родителям или родственникам, над другими устанавливали опеку, некоторых устраивали на работу или в школы ФЗУ. Но основным способом перевоспитания все-таки считался детский дом. Для детей-правонарушителей предполагалось создание особых детских домов. Назывались они учреждениями для “морально-дефективных” детей.

Теоретически эти детские дома должны были в корне отличаться от дореволюционных воспитательно-исправительных заведений, выполнявших скорее функцию “школ преступности”. Начиная с 1919 - 1920 гг. в центре и на местах стали издаваться “Общие руководящие указания”, инструкции по устройству специальных приютов для несовершеннолетних правонарушителей<sup>20</sup>. Главное, как отмечалось в этих документах, чтобы воспитатели прониклись сознанием того, что учреждение, в котором они работают, не тюрьма и что дети, которых они призваны воспитывать, не преступники. Предполагалось, что в приютах, соответственно поставленным для них задачам перевоспитания, должны быть психологическая лаборатория, библиотека, школа, ремесла, искусства, физический труд в различных его видах и т.п.

Однако уже самые первые шаги по пути осуществления теоретических установок показали, насколько велик разрыв между желаемым и действительным. Сеть специализированных детских домов росла. Так, в 1919 г. по РСФСР их насчитывалось 58, в 1920 г. – 69<sup>21</sup>, в 1921-м - 66 с 2 656 детьми<sup>22</sup>, но что это были за учреждения? Вместо очагов перевоспитания они превратились в очаги детской преступности внутри городов. В отделы социального обеспечения местных исполкомов поступало множество жалоб от государственных учреждений, населения, пострадавших от воспитанников таких детских домов. “Помещающиеся в доме Жохова на одном дворе с заводом малолетние преступники занимаются расхищением заводского имущества и разрушают принадлежащие заво-

ду сооружения”, - говорилось в заявлении фабрично-заводского комитета завода Жохова в Иваново-Вознесенске от 12 мая 1919 г. Ввиду этого, “колония преступников является крайне нежелательным и опасным явлением для целостности единственного медно-литейного завода в Иваново-Вознесенске”<sup>23</sup>. Такого же мнения, только уже относительно собственной безопасности, придерживались и местные жители, также страдавшие от “налетов колонистов” того же детского дома: “постоянной ругани по адресу проходящих граждан, нанесения оскорблений действием, совершения краж”<sup>24</sup>.

Крайне сложно было подыскать и работников для таких детских домов, а главное, удержать их. В Ярославле, например, в единственном в губернии детском доме для “морально-дефективных” в качестве воспитателей работали бывшие белые офицеры. Но и этот детский дом при обследовании в 1919 г. был признан совершенно не выполняющим своего назначения “ни в смысле перевоспитания детей, ни в смысле изоляции их от искушений окружающей среды и пресечения их аморальной деятельности”. Кроме того, подчеркивалось, что “в силу наблюдающихся в приюте условий, не исключена возможность дальнейшей деморализации детей, особенно менее порочных или попавших в приют вследствие беспризорности”<sup>25</sup>.

Немногим лучше дело обстояло и в детских домах для нормальных детей. Вот, например, что показало обследование детских домов, произведенное в Иваново-Вознесенской губернии в 1919 г. Приведем лишь короткие выдержки из докладов. Детский дом № 2 (144 ребенка): “.....трудового или какого-либо другого воспитания не проводится. Дети предпочитают лениво лежать на замусоренном мощеном дворе или сидеть у ворот на лавочке.....”<sup>26</sup>. Детский дом № 3 (34 ребенка): “5 человек посещают мастерские, остальные целый день отсутствуют неизвестно где, приходят в приют обедать, чай пить и ужинать”<sup>27</sup>. Были и прямо противоположные ситуации: дошкольный детский дом № 1 (21 ребенок): “.....дети анемичны, болезненны, заморены..., служащие благоденствуют, и жаль малюток, на жизнях которых паразитирует многочисленный штат приюта”<sup>28</sup>. И такой перечень можно продолжать. Возмущенная увиденным Е.И. Сухова - инструктор подотдела охраны детства в Иваново-Вознесенской губернии - восклицала в своем докладе: «Где же наши лозунги: “Все для детей” - когда для детей не только не дается все, но и берется последнее, когда детские дома снова становятся морилками, как это было в дореволюционное время»<sup>29</sup>.

Названные негативные явления в функционировании детских домов не были региональной особенностью, они наблюдались повсеместно. Поэтому, центральные органы, занимавшиеся данными проблемами,

и в частности Наркомпрос, пытались найти причины этих явлений и способы их устранения. В докладе отдела социального воспитания Наркомпроса в 1920 г. отмечалось: "...важная причина ужасного положения призраков детей: совершенно неправильная конструкция самих приютов"<sup>30</sup>. Отныне предлагалось устраивать детские дома по принципу семьи, а не по принципу возраста, как ранее, пользуясь системой павильонов или совершенно отдельных самостоятельных детских домов. Причем, количество детей в этих учреждениях не должно было превышать 24 человека. Далее в докладе обращалось внимание на такие проблемы, как острый недостаток подготовленных кадров для детских домов, трудности, связанные с обеспечением этих учреждений, ремонтом помещений, питанием детей и др.<sup>31</sup> Решать эти проблемы с каждым годом становилось все сложнее: сеть детских домов росла, а возможностей страны по их обеспечению становилось все меньше.

Однако новые теоретические программы по усовершенствованию детских домов не удалось реализовать. События 1921 г. внесли свои коррективы в этот процесс. К социальным бедствиям в этот период добавилось еще и стихийное – небывалая засуха в хлебопроизводящих губерниях Поволжья, Дона, Северного Кавказа и Украины. Масштабы его были столь значительными, что затронули не только районы, пострадавшие от неурожая, но существенно отразились на жизнедеятельности всей страны.

Положение в областях, охваченных голодом, было действительно угрожающим. Более 20 млн. человек находились на грани вымирания и нуждались в неотложной помощи. К весне 1922 г. число умерших от голода превышало 1 млн. человек. Смертность среди детей грудного возраста доходила до 95%<sup>32</sup>. Одним из основных видов помощи голодающим стала отправка на места лечебно-питательных поездов, пропускная способность которых доходила до 6 тыс. человек в день<sup>33</sup>. Кроме того, производилась эвакуация части пострадавшего населения, прежде всего детей, в более благоприятные в плане питания регионы. По данным на 25 декабря 1921 г., уже было вывезено 56 355 детей<sup>34</sup>, и эта цифра продолжала расти. Размещались эвакуированные дети в детских домах, домах ребенка, больницах. К апрелю 1923 г. в детских учреждениях, находившихся в ведении Наркомпроса, насчитывалось 293 655 детей из голодающих губерний, в учреждениях Наркомздрава (в том числе в домах ребенка) - 23 231 ребенок<sup>35</sup>. Следует также отметить, что, кроме организованного вывоза, население двигалось в предполагаемые урожайные районы самотеком, и эта стихийная волна была гораздо значительнее, являясь новым источником беспризорности и

преступности, уровень которых, как указывалось выше, был в этот период максимально высоким.

В разных регионах России проблема беспризорности стояла тогда неодинаково остро. В зависимости от степени ее остроты Наркомпрос и Деткомиссия при ВЦИК разделили все российские губернии на 5 групп. К первой из них были отнесены губернии, пострадавшие от неурожая, а также ряд промышленных губерний, в том числе Иваново-Вознесенская и Ярославская<sup>36</sup>. В каждой из последних, например, численность беспризорных детей колебалась от 500 до 1000 человек. Немногим лучше было положение и ближайших губерний. Так, во второй половине 1922 г. в Рыбинской губернии насчитывалось 806 беспризорных детей. Причем, 2/3 из них прибыли (организованно или самотеком) из Поволжья и других районов, охваченных голодом<sup>37</sup>. Таким образом, многие “благополучные” губернии, куда вывозились голодающие, при более внимательном рассмотрении сами оказывались далеко не благополучными и нуждались в помощи.

Чтобы справиться с ситуацией, в центре и на местах в 1921 г. стали организовываться специальные комиссии помощи голодающим<sup>38</sup>. Кроме них в губерниях при губсоцвосзах назначались секретари, возглавлявшие работу по эвакуации, действовали губернские эвакуационные комиссии, детпродкомиссии<sup>39</sup>. Силами этих органов на местах необходимо было создать целую сеть учреждений, приспособленных для оказания разного рода помощи детям Поволжья, которые прибывали изможденные, больные, нередко совершенно раздетые. “Целый поезд детей в 300 человек был привезен в одном нижнем белье”, - отмечалось в отчете Ярославского губисполкома<sup>40</sup>. Этих детей сначала направляли в оборудованные врачебно-питательные пункты, детприемники, а уже затем - в специализированные детские дома. В Ярославской губернии удалось организовать два таких приемника на 370 человек и два детдома на 90 человек<sup>41</sup>. В Рыбинской губернии действовал детприемник на 500 человек<sup>42</sup>. В Иваново-Вознесенской губернии наиболее приемлемой формой учреждений для детей Поволжья были признаны небольшие детдома, организуемые при совхозах<sup>43</sup>. Кроме специализированных учреждений, детей из голодающих губерний обслуживали также общие детдома и приемники-распределители, в которых они занимали более 50% мест<sup>44</sup>. Практиковались и другие виды помощи - установление опеки и частного патроната. Однако к данным мерам подходили с большой осторожностью, что объяснялось, с одной стороны, причинами идейного характера - ставкой на общественное воспитание, а с другой стороны, слабым развитием или полным отсутствием необходимых для этого организационно-контрольных органов. Так, в каждой из губерний региона

было рассмотрено не более 100 дел по опеке<sup>45</sup>. Но, в общей сложности, названные формы помощи давали определенный положительный эффект. Только в Ярославской губернии за 1921 - 1922 гг. какую-либо социальную поддержку получили более 5 000 детей Поволжья<sup>46</sup>.

Однако еще большее количество детей было предоставлено самим себе. Возможности оказывающих помощь губерний были небезграничны. В докладе Деткомиссии при ВЦИК в конце 1921 г. говорилось, что «цифра заявки голодающих губерний на вывоз детей в данный момент достигла свыше 200 тыс. Цифра заявок о желании и готовности принять детей благополучными губерниями равна 101 670»<sup>47</sup>. Нередкими были ситуации, когда эвакуированным детям отказывали в приеме или когда они попадали в условия не лучше тех, из которых они были взяты<sup>48</sup>. Еще хуже было положение детей, прибывших самотеком. Они, как правило, пополняли ряды беспризорников и малолетних правонарушителей. «Улица полна беспризорными детьми, - констатировала Деткомиссия при ВЦИК. - Здесь имеют место детское нищенство, детская торговля, преступность и проституция, доходящая до самых кошмарных форм и размеров. Поток беспризорных детей в поисках хлеба и крова перекатывается с одного пункта Республики в другой, проникая в самые отдаленные из них, как Туркестан и Сибирь»<sup>49</sup>.

Особенно переполненным было южное направление. В поисках выхода из этого положения начальник эвакуационного пункта Кавказского фронта издал приказ: «Поставить заслон и не пропускать ни одного беспризорного ребенка в пределы Кавказа». Такие же заслоны были поставлены на Дону, в некоторых других местах. «Ребенок попадает тут, как в западню и, куда бы ни повернулся, всюду наталкивается на оружие. Он дичает, становится похож на звереныша, начинает искать средства, чтобы прорвать эту сеть любым способом, даже оружием»<sup>50</sup>.

Положение действительно было критическим, и правительство вынуждено было обратиться за помощью к другим государствам. С конца 1921 г. стали поступать предложения от ряда стран (Чехословакии, ДВР, Германии, Англии) об эвакуации детей за границу. Так, в Чехословакию решено было отправить 600 детей, в ДВР – 2 тыс. человек<sup>51</sup>. Кроме того, международные общественные организации (Международный союз помощи детям, квакеры, английские тредюнионы и др.) стали оказывать значительную продуктовую помощь. В общей сложности этой помощью было охвачено в начале 1922 г. 1 400 000 детей<sup>52</sup>, а к весне 1923 г. - 2 306 640 детей<sup>53</sup>. Внутренние возможности в этом отношении были более скромными. По установленному в 1921 г. государственному плану питания, для детей, находящихся в детских домах Наркомпроса (в том числе для голодающих детей), было предусмотрено лишь 380 тыс.

пайков, а реально их было еще меньше - от 208 110 до 244 220<sup>54</sup>. До весны 1923 г., когда значительно увеличилась помощь других стран, дефицит пайков составлял минимум 400 тыс.<sup>55</sup>

Государственная политика, проводимая в первые годы НЭПа, отнюдь не способствовала быстрому урегулированию обстановки. Установление твердого государственного бюджета, режима экономии, принципа покрытия местных расходов местными же средствами явилось тяжелым ударом для всей социальной сферы. Решение проблемы беспризорности требовало особенно больших затрат. Они же не увеличивались, а заметно сокращались. Первоначально, в 1921 - 1922 гг., сеть детских домов была сохранена и даже несколько расширилась. Так, в 1921 г. по РСФСР насчитывалось 4 052 детских дома для нормальных детей, а в 1922 г. их было 6 412<sup>56</sup>. Этот рост объяснялся главным образом необходимостью размещения детей Поволжья и был временным явлением. Уже с 1923 г. начался обратный процесс, и к 1925 г. осталось лишь 2 811 учреждений этого типа, т.е. на 56% меньше, чем в 1922 г.<sup>57</sup>

Подобная ситуация наблюдалась и на местах. В Ярославской губернии в 1921 г. имелся 61 детский дом, в 1922 г. - 78, а к 1925 г. - 29<sup>58</sup>. В Иваново-Вознесенской губернии в 1921 г. было 63 детских дома, в 1923-м - 78, а в 1925 г. - 26<sup>59</sup>.

Очень остро стояла проблема содержания функционировавшей сети детских домов. Перевод их финансирования на местный бюджет и другие негативные явления первых лет НЭПа, о которых уже говорилось выше, низвели задачи, стоявшие перед детскими домами, до уровня борьбы за существование. Резкий рост детской беспризорности, необходимость первоочередного обеспечения этих детей превратили детские дома в "дома для беспризорных". Да и сами эти учреждения очень скоро стали беспризорными, "до которых никому дела нет, которые переведены в глушь, подальше от глаз советской общественности"<sup>60</sup>.

Как показало Всероссийское обследование детских учреждений, произведенное в 1921 г. НК РКИ и Деткомиссией при ВЦИК, повсеместно условия жизни в детских домах были ужасными. Вот некоторые итоги обследования: "Дети ведут полуголодное существование, местами питаются только хлебом и капустой или мерзлым картофелем. Помещений не хватает, лучшие здания в городах ... .. заняты различными бесчисленными организациями ..... С детскими учреждениями никто не считался, детей выталкивали из помещений на улицу. Имеющиеся помещения детских учреждений не оборудованы, темны, малы, грязны, плохо отапливаются. Часто температура доходила до двух градусов, ночью мерзла в помещениях вода..... Кухонных и столовых принадлежностей не хватает, а иногда и совсем нет - дети вынуждены принимать

пищу из каких-то баночек, коробочек, руками. Дети голы и босы. Постельных принадлежностей, кроватей мало. Дети часто спят на голом полу, прикрываясь какими-то лохмотьями. Прибавьте к этому холод, грязь, голод – создается кошмарная картина”<sup>61</sup>. Деткомиссия при ВЦИК подчеркивала, что необходимо ставить вопрос не о каких либо “улучшениях”, предоставлении особых благ, а о спасении детей.

В исследуемом регионе ситуация была не лучше, чем в целом по стране. “Снабжение учреждений нищенское, - сообщал в своем отчете Рыбинский губсоцвос, - питание в детских домах едва поддерживает существование детей; дети спят на соломе, брошенной на пол, обувью и мануфактурой из десятков тысяч детей снабжены немногие сотни”<sup>62</sup>. В ряде детских домов Рыбинской губернии практиковалось так называемое “узаконенное попрошайничество”. Голодные воспитанники ходили по дворам и просили продукты у населения, а результаты сбора поступали в общий котел<sup>63</sup>.

Особенно тяжелым в плане питания было положение в домах ребенка. На совещаниях при Ярославском губернском отделе социального обеспечения неоднократно ставились вопросы о снабжении молоком, а точнее - об отсутствии последнего, в учреждениях для грудных детей. “Наблюдаются случаи, - отмечала член коллегии губотсобеса Голованова, - что приходится выдавать удостоверения о смерти детей от голода”<sup>64</sup>. Так, в 1921 - 1922 гг. в обоих отделениях Ярославского детского дома им. Коковина смертность детей до 3-х лет составляла 28%<sup>65</sup>, в Рыбинских учреждениях закрытого типа - 33%<sup>66</sup>. В Угличе, по данным заведующей уездным подотделом охраны материнства и младенчества Постновой, в 1921 г. в единственном в городе доме ребенка находилось лишь 10 детей, поскольку из 60 детей, проживавших в нем ранее, 40 человек умерло<sup>67</sup>. Голод во всех этих случаях был не единственной, но основной причиной смерти детей. Именно на почве недоедания или недоброкачественной пищи возникали многие заболевания, заканчивавшиеся летальным исходом.

Что касается одежды для воспитанников детских домов, то типичным примером в данном случае являлось положение дел в Рыбинской второй трудовой коммуне. В 1921/1922 г. на 200 детей там имелось: 21 подушка, 32 одеяла, 47 рубашек, 81 штаны, 27 пар валенок (другой обуви не было), 63 пальто, небольшое количество нижнего белья, которого также не хватало на всех детей, да и оно от ветхости представляло собой “сетку от комаров, вставляемую в окна”<sup>68</sup>.

В большинстве детских домов было крайне грязно. «Получается впечатление общей помойной ямы, - говорилось в отчете по обследованию детского дома “Красносельская платформа” Иваново-Вознесенской

губернии от 14 октября 1922 г., – помои выливаются из окон и с крыльца, уборные засорены и не чищены; в комнатах грязно и холодно, нет дров, сейчас разбирают изгородь дачи, чтобы как-нибудь натопить печи и приготовить обед»<sup>69</sup>. Как показало Всероссийское обследование 1921 г., сроки мытья полов в детских учреждениях были крайне разнообразны: от одного раза в неделю до одного раза в год<sup>70</sup>. Не менее грязными были и дети: «неостриженные, плохо мытые, в худом белье бродят они вокруг дома и по дому, не находя себе ни места, ни занятия»<sup>71</sup>.

Совершенно недопустимая с точки зрения элементарных требований санитарии и гигиены обстановка в детских домах способствовала, в свою очередь, быстрому распространению среди детей инфекционных заболеваний, паразитов. Так, например, из 1920 детей, находившихся в 1922 г. в детских домах Рыбинской губернии, примерно 15% страдали различными кожными заболеваниями (чесотка, лишай). Кроме того, дети болели тифом, холерой, цингой, дифтеритом<sup>72</sup>. А медицинский надзор был крайне недостаточным. В указанной губернии в 1922 г. на каждый уезд приходилось лишь по одному врачу, обслуживавшему детские дома. Причем, все они выполняли эту работу по совместительству<sup>73</sup>. Штат специальных школьно-санитарных врачей имелся, в лучшем случае, в губернских городах (Ярославле, Иваново-Вознесенске, Костроме). И если там еще удавалось осуществлять периодическое (еженедельное или ежемесячное) «поголовное обследование» воспитанников детских домов, то в сельской местности они очень часто оказывались вообще без какой бы то ни было врачебной помощи<sup>74</sup>. Больных детей приходилось отправлять в уездные или губернские центры, что также было непросто (переполненные больницы, отсутствие транспорта и т.п.).

По итогам Всероссийского обследования детских учреждений был сделан вывод, что «дело детского воспитания и обеспечения на всем протяжении РСФСР находится в чрезвычайно угрожающем положении»<sup>75</sup>. Причем, как отмечалось в отчете, сам по себе этот вывод не был каким-либо «открытием». Плохая постановка дела детского обеспечения являлась общеизвестным фактом, но нова в данном случае была «яркость красок нарисованной Всероссийским обследованием картины. Было известно, что дело обстоит плохо, но не было известно, что оно обстоит так плохо, что катастрофа в этой области надвигается столь быстро и неуклонно, что Республике и здесь совершенно необходимо прибегать к героическим мерам, создавать новый, «детский фронт»»<sup>76</sup>.

Безусловно, как центральные, так и местные власти не являлись лишь безучастными зрителями того, как разваливается созданная к 1921 г. социальная система защиты детей. Уже в первые годы НЭПа стали предприниматься конкретные действия для изменения сложив-

шейся ситуации, приспособления социальной сферы к новым экономическим условиям.

Одним из способов улучшения положения детских учреждений стало установление над ними шефства различных предприятий и учреждений. Однако в отношении детских домов такая система финансирования не получила широкого распространения (сравнительно, например, с дошкольными учреждениями). В Рыбинской губернии из 36 детских домов, действовавших в 1922 г., лишь 8 находилось на полном обеспечении хозорганов<sup>77</sup>. В Иваново-Вознесенской губернии из 78 - 12 детских домов<sup>78</sup>, и т.д. Повсеместно в группу подшефных учреждений входили, прежде всего, детские дома и приемники-распределители, создаваемые для детей Поволжья. Их организация должна была быть быстрой и требовала особенно больших затрат. В целом по РСФСР на общественные средства было размещено 257 тыс. детей из голодающих областей. Большая часть учреждений для этих детей финансировалась профсоюзами (на 175 тыс. детей). Значительную активность проявляли также воинские части. Они содержали 39,5 тыс. детей. И наконец, 43,5 тыс. детей было обеспечено за счет созданных в это время крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ) и различных учреждений<sup>79</sup>. Во всех губерниях проводились различные общественные акции для сбора средств в помощь детским домам, на борьбу с беспризорностью: “недели помощи беспризорному ребенку”, “недели помощи голодающим” и т.п., разовые отчисления с заработков рабочих и служащих, денежные сборы. В Ярославской губернии на эти цели был открыт особый счет в банке, на который поступали денежные пожертвования от организаций, учреждений, населения. К 1 октября 1922 г. на нем насчитывалось 987 090 руб. (дензнаками 1922 г.)<sup>80</sup>.

Кроме того, по декрету СНК от 15 сентября 1921 г. Наркомпросу, а также местным ОНО предоставлялось право организовывать собственные производственные предприятия, пошивочные и починочные мастерские, сельскохозяйственные фермы для эксплуатации таковых как силами “самих учащих и учащихся”, так и совместно с кооперативами, артелями, частными лицами на договорных началах. В сельской местности для обеспечения учреждений устанавливалось натуральное самообслуживание населения, топливная повинность<sup>81</sup>.

Еще одним средством улучшения материального положения детских домов считалось наделение их земельными участками. Решение об этом было принято на X Всероссийском съезде советов в декабре 1922 г.<sup>82</sup>, а 15 июня 1925 г. оно было еще раз законодательно закреплено декретом ВЦИК и СНК<sup>83</sup>. Земельные участки должны были обрабатываться силами детей и сотрудников и являться существенным подспорьем

ем в хозяйстве. Размеры участков для детских домов определялись в расчете 1/10 десятины на каждого воспитанника, с повышением нормы, если это было возможно, исходя из местных условий. Если дети были не в силах обработать отведенный детскому дому земельный участок, в качестве вспомогательного допускалось применение наемного труда.

Все эти меры постепенно начинали давать определенный положительный эффект, но в полной мере решить проблему обеспечения детских домов, конечно, не могли. Тяжелое материальное положение, которое сохранялось в детских учреждениях, “тормозило все начинания и делало малоуспешным то, что давно уже в деле просвещения было создано”<sup>84</sup>.

Со сбором нового урожая - осенью 1922 г. ситуация в стране несколько улучшилась. Как отмечалось в декрете ВЦИК 7 сентября 1922 г., “острота голода притупилась, отпала та чрезвычайность и экстраординарность мер борьбы”, в связи с чем Центральную и местные комиссии помощи голодающим решено было распустить, а вместо них создать новые комиссии - для ликвидации последствий голода: содействия восстановлению разрушенных хозяйств, помощи беспризорным и др.<sup>85</sup> В отношении прибывших из Поволжья детей теперь необходимо было осуществить обратный процесс - постепенную реэвакуацию их на родину.

Проведение этой кампании имело свои сложности. Во-первых, они были связаны с недостаточно четким и организованным осуществлением уже самой эвакуации. Одним из обязательных ее компонентов должно было стать создание центрального и местных адресных столов. Туда необходимо было направлять сведения о поступивших в детские учреждения детях из голодающих районов, чтобы впоследствии они могли быть легко найдены родителями или родственниками, утратившими с ними связь. Реально же такие адресные столы были созданы далеко не везде. Многие дети дошкольного возраста из-за стресса, который им пришлось пережить, не помнили ни города, откуда они приехали, ни собственной фамилии.

Во-вторых, значительную трудность представляло почти полное отсутствие на местах средств на реэвакуацию. Движимые желанием облегчить положение собственной губернии и заняться местными беспризорными детьми, исполкомы нередко осуществляли реэвакуацию без предварительного согласования вопроса с надлежащими органами, без выяснения возможности приема и размещения детей на новом месте, а также без снабжения их средствами на проезд до конечного пункта и питанием. Поэтому, реально дети часто добирались лишь до пределов следующей губернии, что, конечно, не решало проблему, а лишь усили-

вало детское бродяжничество. В общей сложности по РСФСР к 1 января 1923 г. было реэвакуировано лишь около 35 тыс. детей<sup>86</sup>.

Безусловно, в 1923 г. реэвакуация не была завершена. Напротив, во многом в связи с теми негативными явлениями, о которых говорилось выше, наплыв “неместных” детей оставался очень большим. Для урегулирования сложившейся обстановки, 20 июня 1924 г. был утвержден декрет ВЦИК “О порядке реэвакуации детей”<sup>87</sup>. В нем предписывалось прекратить массовые переброски детей из одной местности в другую. В виде исключения допускалась частичная реэвакуация детей, имеющих родителей, родственников или близких лиц, которые могли бы принять их. При отсутствии родственников, детей разрешалось отправлять на родину только при согласии губОНО принимающей губернии. Такие перевозки теперь должны были осуществляться в сопровождении специального руководителя по назначению местного ОНО. Кроме того, реэвакуирующим органам вменялось в обязанность производить наблюдение за тем, чтобы отправленные дети прибыли на место назначения и были переданы соответствующим лицам или учреждениям. Следует отметить, что данный декрет имел в тех условиях немаловажное значение. Но проведение его в жизнь на местах затруднялось острым недостатком материальных возможностей. Поэтому стихийные переброски детей наблюдались и в дальнейшем.

Кроме реэвакуации внутри страны, с конца 1922 г. стали предприниматься усилия для возвращения на родину детей, которые были отправлены за границу. В это время представителями Деткомиссии при ВЦИК было проведено обследование условий жизни переданных на воспитание детей. Все они находились не в детских домах, а в отдельных семьях. Как говорилось в отчете, “условия жизни вполне удовлетворительные, временами прекрасные... Между опекунами и детьми установились отношения, не отличающиеся от таковых между родителями и собственными детьми. Все дети обучаются в школах, некоторые помимо школы обучаются ремеслам”<sup>88</sup>. В качестве серьезного недостатка отмечались отдельные аспекты воспитания детей, которое они получали “в духе окружающей буржуазной среды”. В частности, подчеркивалось, что хотя преподавание религии в школах русским детям было запрещено циркуляром Наркомпроса, “влияние семьи в смысле привития детям религиозных верований устранить невозможно”<sup>89</sup>.

4 января 1923 г. состоялось первое заседание, созванное Наркоматом иностранных дел для обсуждения вопроса о реэвакуации русских детей на родину<sup>90</sup>. Несмотря на ходатайства представителей стран, где находились дети Поволжья, и, в частности, представителей Чешской Земской Комиссии об оставлении детей еще на некоторый срок, было

принято решение о немедленном возвращении детей, имеющих родителей на родине, и минимальной отсрочке для детей-сирот. Таким образом, первая партия детей прибыла в Россию уже 20 января<sup>91</sup>. Твердость российской стороны, проявленная в данном вопросе, была продиктована, главным образом, идеологическими соображениями, а не реальной возможностью страны обеспечить этих детей, особенно детей-сирот. Конкретная же действительность была такова, что эти дети были насильно вырваны из хороших условий, от приемных родителей и помещены в голодные и холодные детские дома. Следует также учесть, что многие из них, вывезенные из страны в дошкольном возрасте “сохранили весьма слабые воспоминания о родине, русскую речь совершенно забыли, вжились в семьях”<sup>92</sup>.

Однако, несмотря на приведенные факты, российское правительство не собиралось полностью отказываться от материальной поддержки других стран. Напротив, в конце 1923 г. при Президиуме ЦИК СССР был учрежден постояннодействующий орган, координирующий работу в данном направлении - Комиссия заграничной помощи. Постановление о создании Комиссии было принято Президиумом ЦИК СССР 7 сентября 1923 г., а первое ее заседание состоялось 20 декабря 1923 г.<sup>93</sup> В задачи Комиссии заграничной помощи входила легализация деятельности различных зарубежных организаций, целью которых являлось оказание разного рода помощи СССР: регистрация их, определение условий работы. При Комиссии было образовано Объединенное информационное бюро для “снабжения заграничной необходимой информацией”<sup>94</sup>. Ликвидация детской беспризорности в нашей стране стала одним из основных направлений зарубежной помощи.

Начиная с 1923 г. наряду с реэвакуацией происходил еще один процесс - передача на бюджет ОНО детских домов, финансировавшихся ранее различными хозорганами. Он осуществлялся в соответствии с декретом СНК от 30 августа 1923 г. и должен был завершиться к концу этого года<sup>95</sup>. Принятие данного декрета было вызвано сразу несколькими причинами. Это и целый ряд недостатков в функционировании прежней системы обеспечения детских учреждений, и постепенное укрепление местного бюджета, но главное – непереносимое желание сосредоточить все звенья народного образования в руках государства, не допуская ни малейших отступлений от этого правила. Однако, несмотря на установленные жесткие сроки, процесс передачи учреждений с одного вида финансирования на другой протекал очень тяжело. У местных ОНО не хватало средств для реализации закона. В докладе Деткомиссии при ВЦИК, в частности, отмечалось, что в некоторых губерниях «профсоюзы, передав детей ОНО и видя затем, что “их дети”, ввиду тяжелого

положения ОНО, оказывались в худших условиях, чем были у них, снова забирали детей к себе»<sup>96</sup>. Случалось также, что хозорганы сразу выступали против полной передачи детских домов на местный бюджет и требовали себе лишь частичной помощи со стороны государства, например на содержание педагогического персонала. В общей сложности, данный процесс не только не был завершен в указанные сроки, но продолжался и в 1924, и в 1925 гг. Лишь к последнему году число детей, находившихся на содержании профсоюзов, сократилось с 175 тыс. до 40 тыс., частей Красной Армии - с 39,5 тыс. до 2 тыс., крестьянских обществ - с 42 тыс. до 2 тыс. человек<sup>97</sup>.

К середине 1920-х гг., благодаря усилиям, предпринятым на местах, ликвидации последствий голода в Поволжье, некоторому улучшению общей экономической ситуации, детская беспризорность в целом по стране значительно снизилась. Исходя из приблизительных подсчетов Деткомиссии при ВЦИК, беспризорных к 1925 г. насчитывалось 275 тыс. человек<sup>98</sup>. При этом, однако, появились новые негативные явления, порожденные “застойностью” беспризорности. “Беспризорные дети создали свой отдельный мир, который смотрит на окружающих его с недоверием и часто с озлоблением, - говорилось в докладе Центральной деткомиссии. - Они создали свой быт, свой язык, свои понятия и навыки”<sup>99</sup>. Было замечено, что беспризорные жили преимущественно коллективами. Во главе их стояли “наиболее опытные, изворотливые и смелые ребята”, власть которых была очень велика, а порой неограниченна. Правила внутреннего порядка этих коллективов были чрезвычайно жесткими. Провинившихся безжалостно изгоняли из коллектива и нередко сильно избивали. “Беспризорные знают многие отрицательные стороны жизни: среди них развиты картежные азартные игры, потребление спиртных напитков и суррогатов их, нюханье кокаина, половой разврат, а основными средствами их существования являются нищенство, торговля и кражи”<sup>100</sup>. Деткомиссия при ВЦИК, Нарком просвещения А.В. Луначарский в своих докладах, выступлениях били тревогу: “Такое положение вещей грозит тяжелыми последствиями как для самих беспризорных детей, так и для государства в целом. И эта угроза по мере того, как армия беспризорных, уменьшаясь количественно, укрепляется, квалифицируется, становится все более и более реальной”<sup>101</sup>.

Наиболее тяжелой к этому времени оставалась ситуация в районах, пострадавших от голода. Здесь насчитывалось от 11 700 (Саратовская губерния) до 32 169 беспризорных детей (Самарская губерния)<sup>102</sup>. В губерниях исследуемого нами региона Верхнего Поволжья острота проблемы была различной. В Иваново-Вознесенской и Ярославской губерниях количество беспризорных не только не уменьшалось, по

сравнению с предшествующим периодом, а напротив - росло. По данным Деткомиссии при ВЦИК, в Иваново-Вознесенской губернии к началу 1925 г. насчитывалось примерно 1 000 беспризорных детей, а в Ярославской губернии - 1 800<sup>103</sup>. В значительно лучшем положении находилась Костромская губерния, которая считалась одной из наиболее благополучных в стране. В ней имелось около 500 таких детей<sup>104</sup>. Следует подчеркнуть, что во всех случаях в подсчеты были включены лишь те дети, которые нуждались в полном обеспечении государства. Кроме них было еще в 2 - 3 раза больше детей, требующих по отношению к себе каких-либо частичных мер помощи (так называемые "полубеспризорные дети"). Высокий уровень детской беспризорности в регионе Верхнего Поволжья по-прежнему объяснялся значительной стихийной волной беженцев, которая направлялась не только в южные губернии, но и в губернии с наиболее развитой промышленностью – в поисках работы.

Естественным следствием застойности беспризорности стал рост детской преступности, причем не столько количественный (по сравнению с 1921 - 1922 гг.), сколько качественный. Многочисленные сообщения с мест свидетельствовали о беспомощности комиссий по делам несовершеннолетних в борьбе с детской преступностью, о безнаказанности преступлений, о настоящей "эпидемии детской преступности", которая все усиливается<sup>105</sup>. Основную массу совершенных преступлений по-прежнему составляли кражи (денег, вещей, продуктов, документов). Они доходили до 70% по отношению к общей массе правонарушений<sup>106</sup>. Но отличие от предшествующего периода 1921 - 1923 гг. состояло в данном случае в качественном изменении совершенных краж: они становились более продуманными, организованными, крупными. Росло также число малолетних рецидивистов. В среднем по РСФСР в 1924/1925 г. рецидивы составляли 21,6%<sup>107</sup>. Еще одним существенным изменением стало увеличение количества дел о несовершеннолетних правонарушителях, переданных в нарсуд. В Рыбинской губернии, в частности в 1922/1923 г., из 190 дел, рассмотренных в комиссиях, 101 было передано в суд<sup>108</sup>. В Костромской губернии за тот же период из 256 дел 56 - было передано в суд<sup>109</sup>. И в дальнейшем, в 1923 – 1925 гг., в исследуемых губерниях количество дел, переданных в суд, продолжало составлять 15 - 20% от общего числа рассмотренных дел.

Законность данной меры была установлена 4 марта 1920 г. декретом СНК<sup>110</sup>. Данный декрет, с одной стороны, подтверждал отмену судов и тюремного заключения для малолетних и несовершеннолетних правонарушителей, но, с другой стороны, в случаях "невозможности применения к несовершеннолетнему (14 - 18 лет) мер медико-

педагогического воздействия” разрешал передавать дела в суд. При этом, Наркомату юстиции вменялось в обязанность помещать подростков отдельно от взрослых. Первоначально осуществление данной меры на практике представляло собой редкое исключение из правила. Но к 1923 г., как показывают приведенные данные, это уже становится скорее правилом, чем исключением из него, и говорит о том, что общая система перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей не работает.

В целом, картина получалась следующая: правонарушитель либо практически уходил от ответственности - иногда официально, путем применения таких мер, как беседа, внушение и т.п., иногда - путем бегства, которое, особенно в уездах, достигало 30% от количества задержанных<sup>111</sup>; либо попадал в тюрьму; либо отправлялся в детский дом. Последняя из названных мер, казалось бы, наиболее отвечала задачам перевоспитания, но и она на деле не могла решить проблему.

Существовавшие детские дома были переполнены иногда на 30 - 40%<sup>112</sup>, а для открытия новых не было средств ни в центре, ни на местах. Более того, сеть детских домов продолжала сокращаться, несмотря на сохранение беспризорности и рост детской преступности. “Дальнейшее развитие сети детских домов, как формы борьбы с беспризорностью, - говорилось в отчете Наркомпроса в 1924 г., - оказалось невозможным для государства, так как при недостаточности материальных ресурсов оно, поглощая огромные ресурсы, являлось бы препятствием к развитию грамотности в стране”<sup>113</sup>. Все это заставляло искать другие способы изменения ситуации, разрабатывать новые формы и методы работы.

Подводя итог, следует отметить, что первые годы НЭПа стали одним из наиболее сложных и неблагоприятных периодов в процессе складывания социальной системы защиты детей. Основные усилия в это время были направлены на восстановление экономики страны. Что же касается социальной сферы, то она была отодвинута на задний план, оставлена, так сказать, “до лучших времен”. Государственными органами не было разработано перспективных программ по функционированию социальной сферы в новых экономических условиях, безболезненному приспособлению ее к деятельности на других основах, поэтому и последствия перехода к НЭПу были в данном случае столь разрушительными. Исходя из принципов экономии денежных и продовольственных ресурсов, а также покрытия местных расходов местными же средствами, сеть учреждений социального обеспечения переводилась с центрального бюджета на местный. Результатом этого неподготовленного процесса явилось судорожное сокращение детских учреждений, резкое ухудше-

ние положения оставшихся. В условиях обострившихся в данный период социальных бедствий - детской беспризорности, преступности, подобная государственная политика не только не позволяла справиться с ситуацией, но даже усугубляла ее. Детские дома так же, как и их воспитанники, вступили в "полосу выживания". Программы усовершенствования данных учреждений, организации в них воспитательного процесса уступили первостепенное место выработке способов добывания пропитания, одежды, топлива.

К середине 1920-х гг., когда сеть детских домов сократилась на 30%, когда детская беспризорность, уменьшившись количественно, укрепилась качественно, вызвав рост организованной детской преступности, на общегосударственном уровне стали, наконец, рассматриваться программы выхода из сложившейся кризисной ситуации.

## **Глава 2. Детская беспризорность и преступность во второй половине 1920-х годов**

Кризис, в котором оказалась система социальной защиты детей в середине 1920-х гг., требовал немедленных действий по его разрешению. На самых разных уровнях – от съездов специалистов данной сферы до властных структур – началось обсуждение проблем, связанных с детской беспризорностью и преступностью, сокращением сети детских учреждений, изменением качественного состояния последних, разрабатывались программы выхода из создавшегося положения.

Значительной вехой на этом пути стал Второй Всероссийский съезд СПОН (социально-правовой охраны несовершеннолетних), состоявшийся в ноябре 1924 г.<sup>1</sup> Участники съезда – педагоги, психологи, юристы – О.Л. Бем, С.С. Тизанова, М.В. Крупенина, Е.С. Лившиц, С.С. Моложавый, А.Б. Залкинд и др. попытались пересмотреть прежние взгляды на детскую беспризорность и преступность, причины возникновения этих социальных бедствий и способы их ликвидации. Авторы докладов, звучавших на съезде, подвергли жесткой критике утвердившееся представление о беспризорном ребенке и несовершеннолетнем правонарушителе, как о дефективных, неполноценных детях. В качестве основной причины этих явлений теперь назывались не личные качества ребенка, а, прежде всего, тяжелые социально-экономические условия, в которые попадали дети, толкающие их на “борьбу за существование”. Есть определенная группа детей, – отмечал Е.С. Лившиц, являющихся беспризорными и правонарушителями в силу своей дефективности, но этот процент крайне незначителен. Подавляющее большинство – жертвы обстоятельств: бедности жизни, неразвитости системы социальной защиты детей<sup>2</sup>. «Проблема детства, социально выбитого из колеи, – говорилось в докладе А.Б. Залкинда, – независимо от основного местопребывания детей (семья, улица), независимо от бурности или мягкости случая (добровольные, сопротивляющиеся), от кажущейся клинической нагрузки, от длительности специального их “стажа” и пр. – в основе является проблемой среды, выбившей

этих детей из колее. В правильно организованной среде, в хорошей педагогической среде лежит ключ к борьбе с этими изъянами»<sup>3</sup>.

Окончательное решение проблемы беспризорности связывалось теперь с задачами восстановления народного хозяйства в стране, улучшением условий жизни. А в качестве ближайших целей называлось максимальное развитие таких форм социальной помощи, как опека, патронат, устройство на работу, в школы ФЗУ, предоставление общежитий, материальная поддержка. При умелом использовании этих мер можно было не только значительно сократить уже имевшееся количество беспризорных детей, но и препятствовать появлению новых. Кроме того, они позволяли решать проблему значительно меньшими средствами, по сравнению с теми, которые требовались на организацию и содержание детских домов.

Сама система детских домов и итоги ее семилетнего функционирования оценивались весьма негативно. «Даже в педагогической среде, - подчеркивала М.В. Крупенина, - самые яркие защитники детдомов как определенной системы воспитания в последнее время готовы высказаться за их ликвидацию»<sup>4</sup>. На съезде много говорилось о кризисе детдомов, о том, что было потрачено впустую много сил и средств. «И вот сейчас, когда мы подводим итоги, кажется, что не только не достигнуто ничего, но и то, что достигнуто, должно быть осуждено»<sup>5</sup>. Недостатков называлось много. Вновь обращалось внимание на неверную организацию этих учреждений, их искусственность, оторванность от жизни, выразившиеся в новом укрупнении детдомов, превращении их в детгородки. По мнению многих участников съезда, процесс должен был стать прямо противоположным. Детский дом мыслился ими теперь как нечто среднее «между интернатом, детским общежитием и местом для ночлега»<sup>6</sup>. Указывалось также на дороговизну существующих детских домов, дороговизну, неоправданную уже потому, что «мы в детдомах не воспитываем, не даем образования, подходящего этим детям»<sup>7</sup>.

Особенно тяжело дело обстояло с перевоспитанием так называемых «морально-дефективных» детей. На съезде решено было отказаться от самого термина - «морально-дефективный». Критике были подвергнуты и существовавшие учреждения для таких детей. Участники съезда подчеркивали, что в этих детских домах дети не только не перевоспитывались, а, напротив, совер-

шенствовались в преступной деятельности. “Ребята ненавидели эти учреждения с решетками и запорами, ненавидели их режим, педагогов, тратили всю свою энергию, чтобы нарушить порядок этих учреждений, отравить существование педагогам. При первом возможном случае бежали, унося с собой казенные вещи”<sup>8</sup>. По данным Е.С. Лившица, приведенным в докладе, процент побегов в дореволюционных приютах малолетних преступников (например, в Рукавишниковском приюте) составлял примерно 25%, а в большинстве советских учреждений подобного рода достигал 45%<sup>9</sup>. Выходом из положения, по мнению специалистов, могла стать полная перестройка этих детских домов на основе самоуправления, трудового воспитания, индивидуального подхода к воспитанникам и постепенное включение учреждений для “морально-дефективных” в общую сеть детских домов для нормальных детей. В специальном докладе А.Б. Залкинд показал, что приобретенные “в уличной борьбе” негативные качества детей-правонарушителей: агрессивность, авантюризм, лживость имеют и оборотную сторону – житейский реализм, смелость, активность, требовательность к себе и окружающим, проявление товарищеской солидарности. И “все это представляет собой ценнейший эмоциональный фонд, откуда надо лишь научиться черпать”<sup>10</sup>.

Вслед за решениями съезда на правительственном уровне началась разработка целого ряда законодательных актов, регулирующих, направляющих и объединяющих усилия государства и общественности по борьбе с детской беспризорностью. Наиболее значительным и, фактически, заложившим основание для последующей работы в данной области в масштабах страны было положение “О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР”, принятое 8 марта 1926 г.<sup>11</sup> Это положение четко устанавливало “характер и степень” беспризорности детей и в зависимости от этого определяло рамки помощи государства: от полного обеспечения до частичных мер поддержки. Таким образом, предлагалось применение следующих мер: передача на попечение родственников или других лиц, в случае их на то согласия; отправка на родину; помещение в семьи трудящихся, с оказанием этим семьям материальной поддержки; помещение в детские учреждения различных типов, в лечебные или медико-педагогические учреждения, в производственные, промышленные и сельскохозяйственные трудовые учреждения; оказание материальной и иной помощи на дому; устройство на работу, в учебно-

производственные мастерские, профессиональные школы и техникумы; передача на обучение кооперативным объединениям, отдельным ремесленникам и кустарям; назначение опеки, передача под наблюдение обследователя-воспитателя, детского социального инспектора.

В отношении несовершеннолетних правонарушителей подтверждалось действие постановления ВЦИК от 16 октября 1924 г.<sup>12</sup> В результате пересмотра взглядов на причины детской беспризорности и преступности теория “моральной дефективности” была отвергнута как ненаучная и ложная, а все учреждения для “морально-дефективных” предлагалось включить в общую сеть детских домов для нормальных детей. Однако для правонарушителей (с 14 лет), не поддающихся медико-педагогическому воздействию или приговоренных к лишению свободы, теперь, по новому Исправительно-трудовому кодексу РСФСР, принятому указанным постановлением ВЦИК, предусматривалось помещение их в трудовые дома, колонии и другие учреждения Наркомата внутренних дел. Причем, сроки пребывания в них не были четко определены. Несовершеннолетние должны были находиться в трудовых домах “вплоть до исправления”, но не более достижения ими 20 лет.

Большое значение имели также законы, посвященные организации трудовой деятельности подростков. По данным Наркомпроса, почти 70% мальчиков и свыше 50% девочек, прошедших через комиссии по делам несовершеннолетних в 1921 г., уже в возрасте до 14 лет пытались встать на путь самостоятельного заработка, и именно отсутствие его привело многих из этих детей к беспризорности и преступности<sup>13</sup>. Исходя из постановления Наркомата труда от 3 июля 1919 г., а также Кодекса законов о труде 1922 г., прием на работу лиц до 16 лет запрещался<sup>14</sup>. Лишь в исключительных случаях инспекторам труда предоставлялось право давать такое разрешение подросткам с 14 лет. Рабочий день несовершеннолетних с 14 до 16 лет должен был продолжаться 4 часа, а с 16 до 18 лет - 6 часов при оплате, как за полный рабочий день. Такие условия были крайне невыгодны предприятиям, получившим, в связи с НЭПом, определенную самостоятельность. Поэтому, несмотря на установленные (Трудовым кодексом 1922 г. и декретом ВЦИК от 2 мая 1922 г.) минимумы по количеству несовершеннолетних рабочих для отдельных отраслей промышленности (от 2 до 13%), подростковая

безработица год за годом становилась все острее<sup>15</sup>. Так, например, только за апрель - декабрь 1923 г. по РСФСР общая безработица увеличилась на 49,3%, а безработица среди подростков - на 75,3%<sup>16</sup>.

Для уменьшения количества безработных подростков или хотя бы замедления темпов роста их числа во второй половине 1920-х гг. стал использоваться целый комплекс мероприятий, утвержденных соответствующими декретами и постановлениями: направление в школы ФЗУ, мастерские, профессионально-технические школы, ученические бригады, на индивидуальное обучение к кустарям и ремесленникам; установление на предприятиях определенного процента мест для подростков - "брони", а иногда и "сверхброни", открытие общежитий и столовых, организация общественных работ, трудовых коллективов безработных<sup>17</sup>.

Еще одним средством ликвидации беспризорности, а также важным профилактическим мероприятием было оказание материальной помощи детям беднейших семейств. В незначительных масштабах эта мера стала применяться со второй половины 1920-х гг., а более широкое ее распространение и четкое законодательное оформление относится уже к концу данного десятилетия. По постановлению СНК от 14 апреля 1928 г. местные исполкомы начиная с 1928/1929 г. должны были вводить в сметы ОНО и отделов здравоохранения специальные ассигнования на оказание систематической материальной помощи (деньгами, вещами, лечением и пр.) нуждающимся детям до 16 лет<sup>18</sup>. Помощь оказывалась тем детям, которые либо находились на иждивении одинокой матери, лишенной средств к существованию, либо испытывали острую материальную нужду вследствие безработицы, инвалидности, временного отсутствия родителей, либо являлись детьми многодетных (более 2-х несовершеннолетних детей) малообеспеченных семей.

В отношении такой меры социальной помощи, как реэвакуация, также было принято несколько важных законов. Негативная практика ее проведения, наблюдавшаяся в течение 1922 - 1926 гг. и приводившая к росту детского бродяжничества, побудила Деткомиссию при ВЦИК запретить массовую реэвакуацию детей. 7 января 1927 г. Деткомиссия циркулярно предписала отныне рассматривать беспризорность как явление экстерриториальное<sup>19</sup>. В исключительных случаях разрешалась лишь

резэвакуация детей, имеющих родителей, на проезд которых был установлен льготный тариф со скидкой в 50%<sup>20</sup>.

На осуществление всех названных мероприятий по борьбе с детской беспризорностью и преступностью нужны были значительные денежные средства. Наибольшая доля расходов по-прежнему приходилась на местный бюджет. Но в дополнение к нему со второй половины 1920-х гг. стали появляться и другие источники финансирования: в 1924 г. были созданы общесоюзный и местные фонды имени В.И. Ленина для организации помощи беспризорным детям<sup>21</sup>. Постепенно стали формироваться фонды центральной и местных деткомиссий, общественных организаций - "Друг детей", "Друг беспризорного ребенка". Привлекались также денежные пожертвования предприятий и учреждений, неорганизованного населения, поступления от целевых налогов.

Многообразие форм борьбы с детской беспризорностью, а также источников финансирования, требовало продуманного подхода для наиболее рационального их использования. С этой целью во второй половине 1926 г. Деткомиссия при ВЦИК начала разработку трехлетнего плана борьбы с детской беспризорностью, который был утвержден Президиумом ВЦИК и СНК РСФСР 20 июня 1927 г.<sup>22</sup>

По подсчетам Деткомиссии, на январь 1926 г. в РСФСР имелось 250 тыс. беспризорных детей. Из них 125 тыс. - нуждавшихся в неотложном государственном и общественном обеспечении. Беспризорных раннего возраста (до 3-х лет), подкидышей насчитывалось примерно 12,5 тыс. человек ежегодно<sup>23</sup>. По трехлетнему плану предполагалось за 1926/1927, 1927/1928 и 1928/1929 гг. ликвидировать массовую уличную беспризорность. Для этого в плане предусматривался целый комплекс мер, определялись суммы необходимых затрат и возможные источники их покрытия. Планировалось, в частности, устроить новые детские учреждения или организовать дополнительные места в уже существующих для 37 тыс. беспризорных детей (1 тыс. мест - в домах ребенка Наркомздрава, 34 тыс. мест - в детских домах Наркомпроса и 2 тыс. мест - в трудовых домах НКВД). При этом, 75% мест в указанных учреждениях Наркомпроса должно было приходиться на сельскую местность. Предусматривалось также 22 тыс. выпускников детских домов разместить в крестьянских семьях и к кустарям на воспитание и обучение; сохранить для них

30% мест в счет “брони” подростков на предприятиях; оборудовать 45 общежитий для одиноких матерей; отдать на воспитание 1,5 тыс. подкидышей; организовать частичную материальную помощь для 20 тыс. подростков в год, и др.<sup>24</sup> На осуществление данных мероприятий, кроме тех средств, которые отпускались по местному бюджету, требовалось еще приблизительно 54 млн. руб. дополнительных ассигнований, которые планировалось получить с целевых налогов (14,5 млн. руб.), из денежных фондов деткомиссий (24 млн. руб.), государственного бюджета (500 тыс. руб.), от доходов мастерских при детских домах, привлечения общественных средств<sup>25</sup>.

По примеру общесоюзного трехлетнего плана борьбы с детской беспризорностью в каждой губернии необходимо было составить местный план. Уровень беспризорности в исследуемых губерниях к 1926/1927 г. стал еще выше, чем в предыдущем году. Если в 1925 г. в Иваново-Вознесенской губернии насчитывалось около 1 тыс. беспризорных детей, то в 1926/1927 г. - около 2 тыс. Причем, более 60% из них прибыли из других регионов<sup>26</sup>. Постоянный рост детской беспризорности, наплыв “неместных” детей, переполненные детские дома - все эти моменты необходимо было учесть при составлении трехлетнего плана и выборе методов деятельности.

В значительно больших масштабах, чем ранее, на местах стали использоваться такие способы ликвидации беспризорности, как опека и патронат. По Ярославскому уезду, например, в 1925 г. было вновь учреждено лишь 16 опеков, в 1926 г. - уже 90. А по губернии общее количество подопечных детей в 1926 г. приближалось к 2 тыс. человек<sup>27</sup>.

Поскольку первой ступенью беспризорности часто была безнадзорность детей, важным способом профилактики беспризорности считалась организация соответствующих детских клубов, мастерских. В Ярославле, например, детский клуб был открыт в марте 1928 г. в районе фабрики “Красный Перекоп”, где было сосредоточено наибольшее количество беспризорных и безнадзорных детей. Кроме того, к этому времени в городе успешно действовали две учебно-производственные мастерские для беспризорных - пошивочная и сапожная<sup>28</sup>. Еще более удачно данная работа была организована в Иваново-Вознесенске. Здесь действовали совместные мастерские для воспитанников детских домов и беспризорных детей. Это мастерские № 1 им. Октябрьской рево-

люции, образованные в 1923 г. путем слияния мелких мастерских при детских домах и имевшие механическо-слесарное, швейное, переплетное, сапожное и столярное отделения; а также две районные мастерские им. Ногина, открытые в 1925 г. и включавшие в себя ткацкое, столярное, швейное, механическо-слесарное и кузнечное отделения. В общей сложности в этих мастерских в разные годы было занято от 600 до 800 учащихся, которые получали здесь специальность и затем распределялись по фабрикам и заводам<sup>29</sup>.

В целом по стране также наблюдался существенный рост детских мастерских. Если на 1 января 1926 г. их насчитывалось 453 и трудовой подготовкой было охвачено лишь 25% всех подростков<sup>30</sup>, то в октябре 1928 г. имелось уже около 2 тыс. детских мастерских<sup>31</sup>. Кроме того, в масштабах РСФСР в 1928/1929 г. было организовано три фабрики-коммуны для беспризорных детей - в Ростове-на-Дону, Орле и Саратове, которые были рассчитаны на трудовое обучение 6,5 тыс. подростков старше 16 лет<sup>32</sup>. В следующем году Наркомпрос приступил к организации еще двух крупных предприятий подобного характера: завода-школы на Урале, рассчитанного на 600 воспитанников, и сельхозуча в Крыму на 500 подростков<sup>33</sup>. Вся эта работа в совокупности имела очень большое значение, поскольку позволяла не только оказать беспризорным детям необходимую материальную поддержку, но и подготовить их к дальнейшей самостоятельной жизни.

Но и простая материальная помощь, вовремя оказанная малообеспеченным семьям, одиноким матерям, могла сыграть существенную роль в борьбе с детской беспризорностью и профилактике этого явления. К концу 1920-х гг. эти меры также получили более широкое распространение, чем ранее. В Ярославской губернии, например, на учете деткомиссии состояло к 1928 г. 400 детей, которым периодически оказывалась какая-либо материальная поддержка<sup>34</sup>. А всего по РСФСР материальную помощь получали 20 тыс. детей, живущих в семьях. Размеры этой помощи были в среднем 60 руб. в год на человека, причем оказывалась она не только деньгами, но и вещами, продуктами, а в сельской местности нередко - путем обработки земли<sup>35</sup>.

И все же, основной формой ликвидации беспризорности по-прежнему оставался детский дом. Сеть детских домов во второй половине 1920-х гг. продолжала сокращаться. Так, на 1 января 1925 г. по РСФСР насчитывалось 2 811 учреждений

данного типа, в 1925/1926 учебном году их было уже 2 218, в 1926/1927 г. - 1 676, а в 1927/1928 г. - только 1 430<sup>36</sup>. Соответственно сокращалось и количество детей, находившихся в детских домах. Если в 1925 г. их было 211 361 человек, то в 1927/1928 г. - 92 007 человек<sup>37</sup>. По Ярославской губернии эти данные выглядели следующим образом: в 1925 г. - 29 детских домов, в 1927/1928 г. - 19<sup>38</sup>; по Иваново-Вознесенской губернии: в 1925 г. - 26 детдомов, в 1927/1928 г. - 22<sup>39</sup>.

Дальнейшее сокращение сети объяснялось главным образом финансовыми трудностями на местах, а не уменьшением «спроса» на данные учреждения. Напротив, считалось, что рост их числа или, по крайней мере, сохранение уже имевшихся детдомов, позволит скорее ликвидировать беспризорность. Положение «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» от 8 марта 1926 г. и ряд других законов, принятых в это время, хотя и предлагали самые разные способы организации работы в данном направлении, но рассматривали их не как альтернативу детскому дому, а как дополнительные меры, позволявшие, в том числе, обеспечить необходимую разгрузку детских домов, увеличить их пропускную способность<sup>40</sup>. Но на практике возможности выпуска детей из детдомов очень часто использовались в целях сокращения сети этих учреждений, числа детей в них, а тем самым и расходов по их содержанию. Так, например, только с января по сентябрь 1926 г. по 36 губерниям и областям РСФСР было выпущено из детдомов около 26 тыс. воспитанников, а вновь принято на их места только 9 800 беспризорных детей<sup>41</sup>. Подобное соотношение сохранялось и в дальнейшем. Деткомиссия при ВЦИК в 1927 г. констатировала, что если сокращение детских домов на местах будет продолжаться, неизбежен новый рост беспризорности<sup>42</sup>.

Что касается внутреннего состояния детских домов, то оно мало изменилось по сравнению с предшествующим периодом. Каких-либо кардинальных организационных изменений не произошло. В местных отчетах по-прежнему говорилось о «бессистемности и случайности комплектования детских домов», изолированности их. Продолжались и не оправдывавшие себя постоянные реорганизации учреждений - переброска в сельскую местность, объединения, создание детских городков. Немало трудностей оставалось и в плане обеспечения детских домов. В отчете Деткомиссии при ВЦИК от 28 октября 1928 г. отмечалась

“большая нужда в обмундировании, оборудовании, ремонте, питании и даже воде”, имевшая место во многих учреждениях данного типа<sup>43</sup>.

И все же, определенные позитивные сдвиги в работе детских домов следует отметить. Значительным достижением, в частности, стало обеспечение организованного выпуска из детских домов подростков, достигших 16 лет. В первые годы НЭПа, ввиду отсутствия органов СПОН, слабой материальной базы детдомов, неналаженности работы, воспитанники чаще всего выпускались “вникуда”. Им выдавалась дополнительная смена белья, значительно реже – небольшое выходное пособие и дальнейшей их судьбой уже никто не интересовался. С середины 1920-х гг. ситуация начинает меняться к лучшему. Декретом ВЦИК и СНК от 21 сентября 1925 г. регулировалось размещение выпускников детских домов на производство, в школы ФЗУ, сельскохозяйственного ученичества, школы рабочих подростков. Этот же закон предоставлял органам народного образования право отдавать воспитанников детдомов “в обучение кооперативным объединениям, отдельным ремесленникам и кустарям”<sup>44</sup>. Кроме того, ряд постановлений ВЦИК и СНК подробно регламентировали порядок и условия передачи детей из детских домов в семьи трудящихся<sup>45</sup>. Существенное значение имели также законы, направленные на усиление трудовой подготовки воспитанников, приобретение ими специальности. Среди них следует отметить постановление СНК от 14 апреля 1928 г., предусматривавшее расширение сети производственных мастерских при детских домах и увеличение штатных единиц инструкторского персонала<sup>46</sup>.

В результате применения названных законодательных актов за 1927 г. по РСФСР было выпущено из детских домов около 25 тыс. воспитанников. Примерно 51% из них были устроены на производство, 19% - на обучение к кустарям и ремесленникам, в крестьянские семьи и 30% - отправлено к родственникам<sup>47</sup>. В следующем году выпуск детей, достигших 16 лет, продолжался практически в таком же объеме, с той только разницей, что возрос процент выпуска детей в крестьянские семьи, а с конца 1928 г. началась массовая передача подростков в совхозы<sup>48</sup>.

Более организованному выпуску из детских домов способствовало, безусловно, укрепление материальной базы этих учреждений, рост числа и уровня производственных мастерских, сельхозов. В Ярославской губернии к 1928 г. трудовой подготов-

кой было охвачено 72% воспитанников детских домов подросткового возраста (674 человека)<sup>49</sup>, в Иваново-Вознесенской губернии - около 90% (630 человек)<sup>50</sup>. Многие из действовавших при детских домах мастерских были хорошо оборудованы, механизированы, что позволяло не только квалифицированно обучать детей, но и удовлетворять нужды детского дома, выполнять работы на заказ (Великосельский детский дом, детдом имени КИМ, детдом им. 1 Мая Ярославской губернии; детдома в городах Шуе, Тейкове, Иваново Иваново-Вознесенской губернии)<sup>51</sup>.

Некоторое улучшение материального положения детских домов стало возможным благодаря усилению внимания к этим учреждениям со стороны различных общественных организаций, оказания ими разного рода помощи, проведения общественных акций в поддержку детского дома. На правительственном уровне также был предпринят целый ряд мер, направленных на эти цели. В конце 1920-х гг. значительно возросли дотации из центра. Только за 1927/1928 г. они составили свыше 7 млн. руб.<sup>52</sup> Содержание одного воспитанника в учреждениях нормального типа в среднем по РСФСР выжалось теперь в сумме 242 руб. 18 коп. в год (на 1928/1929 г.), тогда как в 1925 г. эта сумма составляла 170 руб.<sup>53</sup> Укреплялся и местный бюджет, что также было немаловажным фактором. А внутри местного бюджета постоянно росла доля, отводимая на нужды ОНО.

Кроме того, в целях укрепления материального положения детских домов в ноябре 1925 г. декретом ВЦИК и СНК разрешалось частичное введение платы за обучение и содержание детей в детских домах всех типов. Платные места могли предоставляться детям рабочих, служащих и крестьян, но количество таких мест не должно было превышать 10%<sup>54</sup>. Однако в связи с сокращением числа детских домов в этих учреждениях оставались преимущественно сироты и полусироты, поэтому данная мера не имела широкого распространения как в целом по стране, так и в рассматриваемых губерниях.

Некоторые позитивные сдвиги в деятельности детских домов, а также нарастающий процесс политизации всех сфер народного образования возродили в конце 1920-х гг. взгляд на детский дом, как на учреждение будущего. В 1928 г. в Москве состоялся Первый Всесоюзный педологический съезд, на котором был сформулирован своеобразный "социальный заказ по воспитанию нового человека". Н.И. Бухарин, в частности, определил его сле-

дующим образом: “Нам нужны люди трезвые, дельные, энергичные, умеющие считать время и добиваться максимального эффекта, ищущие новых и новых усовершенствований, люди с твердыми ногами, с литыми мускулами, идущие к раз поставленной цели”<sup>55</sup>. А педологам, соответственно, подчеркивал в докладе А.В. Луначарский, необходимо было “срочно ответить на вопрос, как воспитать такое выпрямленное, здоровое, коллективистическое поколение, как подбирать кадры для решения этой проблемы”<sup>56</sup>.

На практике это выразилось в жесткой регламентации процесса воспитания в детском доме, подчинении его идеологическим нормам, усиленном создании ячеек детских политических организаций (октябрят, пионеров, комсомольцев); в соответствующей подготовке и переподготовке кадров, проведении “политических экспертиз” работников просвещения - “чисток от чуждого современной идеологии элемента учительства”, распространении доноительства. Как рассуждал репрессированный впоследствии педагог В.Н. Шульгин, - «политически вредны убаюкивание и разговоры о том, что “все учительство в общем и целом работает до крайности добросовестно”. Надо другое. Разоблачение. Самокритика. Борьба. По всей линии. Настойчивая и упорная. До конца... А потому, нет прощения учительнице-партийке, которая не выдает своих товарищей, так как это хвостизм. 100%-ный хвостизм. Вести за собой надо беспартийных, переделывать их, бороться с чуждой идеологией, а не отступить, не замазывать, не прятать ее на том основании, что мы члены одного и того же педколлектива...»<sup>57</sup>. И такие взгляды к концу 1920-х гг. становились очень характерными. Сначала одни доносили на других, затем третьи на доносивших.

“Чистки кадров” осуществлялись на местах также с большим рвением. В Ярославле, например, на совещании партийного состава губОНО, горОНО, УОНО, состоявшемся в ноябре 1927 г., было решено обратиться в местную прокуратуру с просьбой “меньше принимать во внимание формальных данных при поступлении протестов по увольнению идеологически чуждых элементов учительства”<sup>58</sup>. И действительно, ни педагогический стаж, ни опыт, ни образование не могли теперь защитить учителя, воспитателя от такого рода нападков. Социальное происхождение, родственные связи с представителями прежних господствующих классов теперь не только учитывались, как ранее, а становились

окончательным приговором, позорным клеймом. Доступ в любые учреждения народного образования таким людям был строго запрещен.

Проверенные, стойкие в идейном отношении педагоги должны были соответствующим образом организовать воспитание детей. Начиная с середины 1920-х гг. в отчетах о работе детских домов в качестве положительных моментов отмечалось активное участие детей в революционных праздниках, шествиях и демонстрациях. Говорилось о постепенном изживании религиозных представлений, тогда как в начале 1920-х гг. во время обследований учреждений у детей еще “обнаруживали иконки, молитвенники, кресты и книги монархистов”<sup>59</sup>. Росли в детских домах и ряды юных ленинцев. В Ярославской губернии, например, в 1925 г. около 60% всех воспитанников детских домов состояли в рядах октябрят или пионеров и около 30% подростков были членами РЛКСМ<sup>60</sup>. А в среднем по РСФСР эти цифры были еще выше. К 1925 г. 75% воспитанников детских домов являлись пионерами и 60% подростков - комсомольцами<sup>61</sup>. В дальнейшем этот процесс продолжался еще более быстрыми темпами, и к концу 1920-х гг. подавляющая часть воспитанников детских домов входила в ту или иную детскую политическую организацию. Исключение составляли только вновь прибывшие дети, которые после короткого периода адаптации также вливались в налаженную систему. Кроме того, постепенно во многих детских домах вводилось самоуправление воспитанников, создавались специальные детские органы по его осуществлению: детком, старострат, домовый совет; в пионерских детских домах - совет отряда; учреждались различные комиссии - контрольно-хозяйственные, трудовые, конфликтные, санитарные, культурно-просветительные, библиотечные и др. Развивалась клубная, кружковая деятельность<sup>62</sup>.

В целом, атрибутами удачно организованного воспитательного процесса в детском доме считалось наличие при нем одной или нескольких мастерских, земельного участка, что обеспечивало проведение трудового воспитания; посещение всеми детьми (соответствующего возраста) школы; осуществление в учреждении самоуправления и самообеспечения воспитанников, а также создание и деятельность ячеек детских политических организаций (октябрят, пионеров, комсомольцев). Наличие в детском доме всех названных моментов уже позволяло говорить о нем,

как о “рассаднике социального воспитания”<sup>63</sup>. И формально, к концу 1920-х гг. многие детские дома, особенно в губернских и уездных центрах, приближались к достижению этого высокого звания.

Еще одним направлением реформ, проводимым во второй половине 1920-х гг., была реорганизация учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Как уже отмечалось, на законодательном уровне решено было ликвидировать особые учреждения для “морально-дефективных” детей, включив их в общую сеть детских домов. Для правонарушителей с 14 лет, не поддающихся медико-педагогическому воздействию, планировалось организовать трудовые дома и колонии в ведении НКВД<sup>64</sup>. Кроме того, в качестве переходного звена от детского дома для “морально-дефективных” к детскому дому для нормальных детей Наркомпросом был разработан еще один тип учреждений – трудовые коммуны. Исходя из инструктивного письма Главсоцвоса “О реорганизации учреждений для трудных детей” от 19 ноября 1925 г., трудовые коммуны должны были представлять собой нечто среднее между детским домом и ночлежкой<sup>65</sup>. Предполагалось, что приход в такую коммуну, так же как и уход из нее, должен осуществляться совершенно свободно. Ограничение их личной жизни дозволялось лишь в таких пределах, какие “диктуются коллективной жизнью подростков”. При этом, планировалась “постановка труда, образовательной работы, общественно-политического воспитания, как практически необходимых частей работы по подготовке подростков к жизни и работе в советском обществе”<sup>66</sup>. Это был очередной полуфантастический проект, который не был, конечно, реализован на практике.

А в действительности мало что изменилось. Часть детских домов для “морально-дефективных” детей действительно была включена в общую сеть, но большинство учреждений этого типа просто поменяли свои названия. Они стали называться детскими домами для “трудно-воспитуемых” детей. Но уклад жизни остался прежним: решетки, карцер, побег. При обследовании такого детского дома в Шуйском уезде Иваново-Вознесенской губернии в 1927 г. отмечалось, что “с организацией его губОНО ничего утешительного не получил”. В детском доме находилось около 50 подростков-правонарушителей “из среды наиболее трудно-исправимых рецидивистов”. Причем, поведение последних, как отмечалось в отчете, не давало никакой уверенности в возможно-

сти их исправления, а, напротив, “служило доказательством дурного влияния, оказываемого на них детским домом. Со стороны воспитанников наблюдались систематические побег и нанесение воспитателям оскорблений. Были случаи избиения воспитателей, а также посещавших детский дом представителей милиции и юстиции”<sup>67</sup>. Нелегко приходилось и местным жителям: воровство, открытый грабеж, лазанье по чужим огородам, кидание в прохожих камнями – это далеко не полный перечень “развлечений” воспитанников этого и многих других детских домов для “трудновоспитуемых”<sup>68</sup>. В Ярославской губернии из трех детских домов для “морально-дефективных” детей, имевшихся в 1925 г., к 1927 г. оставался лишь один<sup>69</sup>, да и в его работе ощущалась полная бесполезность. И вместо введения “свободы прихода и ухода воспитанников” Ярославское губОНО в январе 1928 г. приняло решение о выводе учреждения за пределы Ярославля – в город Мышкин, в здание бывшей Мышкинской тюрьмы<sup>70</sup>. Вот в таких бессмысленных перебросках учреждений для “трудновоспитуемых” и заключалась в основном вся “реорганизация”. Что касается вновь создаваемых труддомов, находившихся в ведении НКВД, то они еще в большей степени походили на тюрьмы, чем на детские дома. Таким образом, попытка реформирования учреждений для “морально-дефективных” детей оказалась неудачной и проблема по-прежнему была открытой.

Кроме того, к концу 1920-х гг. значительно сократилась численность таких учреждений. Если в 1925 г. по РСФСР насчитывалось 187 детских домов для “трудновоспитуемых” и труддомов, в которых находилось 13 011 детей<sup>71</sup>, то в 1927/1928 г. – только 128 с 7 105 детьми<sup>72</sup>. Как уже отмечалось выше, по трехлетнему плану борьбы с беспризорностью было предусмотрено расширение сети труддомов еще на 2 тыс. мест. Но фактически план был сокращен более чем вдвое. К началу 1929 г. было дополнительно организовано только 800 мест: расширен Новочеркасский труддом на 300 мест, Московский - на 150 мест, создан труддом в Вятке на 350 мест<sup>73</sup>. Дальнейшее увеличение количества мест в труддомах или создание новых было признано нецелесообразным. Решено было направить усилия на улучшение состояния, изменение уклада уже имевшихся учреждений, что, безусловно, являлось весьма важным. Однако данные решения вызывают и серьезные сомнения в связи с тем, что в 1929 г. еще насчитывалось около 7 тыс. несовершеннолетних, находившихся

в общих местах заключения<sup>74</sup>. В такой ситуации, наверное, требовались значительные и качественные, и количественные изменения, либо полный пересмотр существовавшей “системы перевоспитания”.

В пользу последнего говорил также тот факт, что при общем сокращении беспризорности детская преступность оставалась еще очень высокой. Так, за 1927 г. по РСФСР было привлечено к ответственности за какой-либо проступок 28 960 несовершеннолетних. Самую большую группу по-прежнему составляли имущественные правонарушения - 18 191. Далее следовали “правонарушения против порядка управления” (сопротивление и оскорбление власти, подделка документов, денежных знаков, побег из-под стражи, хулиганство и др.) - 7 055. Затем, правонарушения против личности - 2 731, и т.д.<sup>75</sup>

В исследуемом регионе детская преступность не только не уменьшалась, но продолжала расти. Причем, самый большой процент правонарушений приходился на крупные города - Иваново-Вознесенск, Кострому, Ярославль, Рыбинск. В материалах прокуратуры Иваново-Вознесенска в 1926 г. отмечалось, что “беспризорными совершается ряд злостных хулиганств, насилий и ограблений, вплоть до убийств. На окраинах города вечерами ходить было опасно, население подвергалось избиениям и ограблениям. Жители окраин были терроризированы”<sup>76</sup>. В Ярославле в городскую комиссию по делам несовершеннолетних в течение 1925/1926 г. поступило 497 дел о 741 правонарушителе<sup>77</sup>. Для сравнения заметим, что в предыдущем году было зарегистрировано 667 правонарушителей, но не по городу, а по губернии в целом<sup>78</sup>. Все эти факты убедительно свидетельствуют о том, что проблема детской преступности даже в конце 1920-х гг. была еще очень далека от своего разрешения.

Что касается ликвидации детской беспризорности, то начиная с 1927 г. в отчетах Деткомиссии при ВЦИК отмечалось повсеместное оживление данной работы, “ударно-плановое ее проведение”, привлечение к делу широких кругов общественности. Помимо обычных методов, практиковавшихся ОНО, “подбор беспризорных детей” стал проводиться путем специальных кампаний, имевших своей целью “полное массовое изъятие беспризорников с улиц в пунктах их наибольшего скопления”<sup>79</sup>. Осуществлялись эти акции специально организованными общественными дружинами, как, например, в Иваново-Вознесенске<sup>80</sup>, или

представителями различных организаций - Детской социальной инспекции, "Друг детей", "Друг беспризорного ребенка". В 1927 г. количество уличных беспризорных, не охваченных ни одним из видов социальной помощи, составляло по РСФСР 75 тыс. человек<sup>81</sup>, а к концу 1928 г. - уже около 15 тыс. человек<sup>82</sup>. Существенные достижения в этой области наблюдались и на местах. В Иваново-Вознесенской губернии в 1927 г. оставалось примерно 100 беспризорных детей<sup>83</sup>, в Ярославской - около 60 человек (правда, без учета сельской беспризорности)<sup>84</sup>. В 1929/1930 г., по утверждению Деткомиссии при ВЦИК, предполагалось сделать "если не последний, то предпоследний шаг по направлению к полной ликвидации беспризорности"<sup>85</sup>. И действительно, к концу указанного периода беспризорных детей оставалось не десятки, а единицы тысяч<sup>86</sup>. На повестку дня теперь выдвигались вопросы профилактики беспризорности, борьбы с безнадзорностью детей, усовершенствования детских домов.

К сожалению, данные успехи оказались слишком кратковременными. Уже в начале 1930-х гг., в связи с развернувшейся в стране ускоренной коллективизацией и проведением раскулачивания, произошел новый всплеск детской беспризорности, и решение данной проблемы опять встало на повестку дня.

В целом, вторая половина 1920-х гг. являлась более плодотворным периодом в плане создания системы социальной защиты детей, сравнительно с первыми годами НЭПа. К середине 1920-х гг. относится разработка целостной программы по ликвидации таких социальных бедствий, как детская беспризорность и преступность. На законодательном уровне был закреплен комплекс мер, позволявший решать данные проблемы более эффективно и с меньшими затратами. Особый упор был сделан на привлечение к делу самых широких кругов общественности путем создания организаций и проведения акций помощи беспризорным детям. В конце 1920-х гг. был принят и осуществлен государственный план ликвидации беспризорности, рассчитанный на 1926/1927, 1927/1928, 1928/1929 гг. Соответственно и результаты были довольно успешными. Уличная беспризорность была практически ликвидирована, несколько улучшилось материальное положение детских домов, удалось осуществить ряд мероприятий по профилактике беспризорности – борьбе с безнадзорностью детей, их трудовой подготовке, оказанию помощи малообеспеченным семьям. Но и нерешенных проблем оставалось немало. Детская

преступность в стране даже в конце 1920-х гг. сохранялась на крайне высоком уровне. Более 7 тыс. детей находилось в это время в учреждениях для “трудно-воспитуемых” и труддомах, примерно столько же - в общих местах заключения. И при этом ежегодно привлекалось к ответственности еще около 30 тыс. несовершеннолетних. Воспитательные учреждения, несмотря на целый ряд позитивных сдвигов, в целом не справились с возложенными на них задачами полноценного развития детей. Крайне отрицательное влияние на работу детских домов оказывала также усилившаяся в это время политизация всех сфер народного образования.

Данные моменты в совокупности не позволяют однозначно оценить проводимую в период НЭПа социальную политику по ликвидации детской беспризорности и преступности. С одной стороны, нельзя не признать тех значительных усилий, которые были направлены на борьбу с этими социальными бедствиями, особенно в конце десятилетия. Однако, с другой стороны, своевременное внимание к социальной сфере позволило бы решить эти проблемы с несравнимо меньшим ущербом не только для миллионов детей, но, в конечном счете, и для самого государства.

## **Заключение**

Оценивая период НЭПа с точки зрения ликвидации детской беспризорности и преступности, необходимо выделить два основных этапа ее осуществления: 1921 – 1925 гг. и 1925 – 1929 гг. Границы данных этапов в значительной степени условны, поскольку процессы, характеризующие каждый из них, возникали постепенно, и в названные годы наблюдалось лишь особенно яркое их проявление.

Первый этап представлял собой наиболее тяжелое время для формирования системы социальной защиты детей. Несмотря на небывалый рост детской беспризорности и преступности, наблюдавшийся в эти годы, внимание к данным проблемам со стороны государства было недостаточным. Принятая в 1921 г. новая экономическая политика повлекла за собой установление твердого государственного бюджета, режима экономии, принципа покрытия местных расходов местными же средствами. Данные

меры, оправданные, казалось бы, состоянием экономики и необходимостью ее восстановления, явились тяжелым ударом для социальной сферы. Режим экономии осуществлялся главным образом за счет сокращения затрат на социальные нужды населения. Неподготовленный местный бюджет повсеместно не справлялся с возложенным на него бременем расходов. Ликвидация детской беспризорности и преступности требовала особенно больших затрат, но они не увеличивались, а, напротив, заметно сокращались. Практически единственным средством решения данных проблем в это время считался детский дом. Однако следствием первых мероприятий НЭПа в системе социальной защиты детей стало резкое уменьшение численности детских учреждений, ухудшение материального положения оставшихся. Вместо «очагов коммунистического воспитания» детские дома превращались в настоящие «морилки», значительно превосходя по этим параметрам своих дореволюционных предшественников. На государственном уровне, на съездах партии раздавались призывы о спасении подрастающего поколения, но реальная программа действий в общесоюзном масштабе начала разрабатываться лишь с середины 1920-х гг.

К этому времени, благодаря усилиям, предпринятым на местах, ликвидации последствий голода в Поволжье, некоторому улучшению общей экономической ситуации в стране, уровень детской беспризорности уже значительно снизился. Но до окончательного решения проблемы было еще далеко. Тем более что к прежним трудностям добавились новые: «застойность» беспризорности порождала квалифицированную детскую преступность, росло детское бродяжничество. Прежняя форма борьбы с беспризорностью – детский дом – не справлялся с ситуацией ни количественно, ни качественно. Все это заставляло искать другие пути разрешения наболевших вопросов.

Во второй половине 1920-х гг. постепенно был разработан целый комплекс мер по ликвидации беспризорности и преступности. Стали использоваться такие формы социальной помощи, как опека, патронат, устройство на работу и в школы ФЗУ, передача на воспитание и обучение в крестьянские семьи, к ремесленникам и кустарям, предоставление общежитий, оказание материальной поддержки. Многие из них не были новыми, но получили теперь более четкое законодательное оформление и более широкое распространение. В области финансирования также наблюдались оп-

ределенные положительные сдвиги. Укреплялся местный бюджет, выделялись средства из созданного в это время фонда им. В.И. Ленина, фондов Центральной и местных деткомиссий. Более активно стала привлекаться к делу общественность – путем создания специальных организаций, проведения акций помощи беспризорным детям. В конце 1920-х гг. был принят и осуществлен даже особый государственный план ликвидации беспризорности, рассчитанный на три года.

Данные усилия позволили к 1928 г. значительно снизить уровень детской беспризорности. В целом по стране она составляла теперь единицы тысяч. Однако это существенное достижение было, к сожалению, слишком кратковременным. Уже в самом начале 1930-х гг., в связи с активным проведением коллективизации и раскулачивания, будет наблюдаться новый рост численности беспризорных детей. Еще хуже обстояло дело с детской преступностью. В конце 1920-х гг. она сохранялась на крайне высоком уровне и приобрела характер настоящей “эпидемии”. Что касается детских домов, то они, несмотря на распространение других форм социальной защиты беспризорных детей, не прекратили своего существования, а продолжали оставаться первой и основной формой в этом ряду. Более того, в связи с политизацией народного образования возродился взгляд на детский дом, как на учреждение будущего.

Приведенные выводы характерны как для общей ситуации по РСФСР, так и для исследуемого в работе региона Верхнего Поволжья. Однако в отношении последнего следует отметить и некоторые специфические черты проявления социальных процессов. Так, проблемы, связанные с детской беспризорностью и преступностью, имели здесь особую остроту. Две губернии региона, а именно – Иваново-Вознесенская и Ярославская в 1921 г. входили (вместе с рядом других промышленных, а также пострадавших от неурожая губерний) в первую из пяти групп, выделенных Деткомиссией при ВЦИК, исходя из степени тяжести данных социальных бедствий. Здесь наблюдался крайне высокий уровень как “местной”, так и “пришлой” беспризорности. “Местная” беспризорность, кроме общих причин появления (войны, экономическая разруха и т.п.), была связана со значительным разрушением созданной в первые послереволюционные годы социальной системы защиты детей, а также с неналаженным выпуском подростков из детских домов. Эти факторы способствовали появлению большо-

го числа так называемых полубеспризорных детей, многие из которых вскоре становились беспризорными.

Высокий уровень “пришлой” беспризорности объяснялся не только организованной эвакуацией сюда детей из регионов, охваченных голодом, но главным образом значительной стихийной волной беженцев. Как правило, эта волна направлялась либо в южные губернии, либо в губернии с наиболее развитой промышленностью - в поисках работы. К последним в полной мере относились Иваново-Вознесенская и Ярославская. Учитывая сложность ситуации, вполне понятны те негативные явления, которые наблюдались в названных губерниях: перегруженность детских домов, крайне неудовлетворительное их материальное положение, большое число беспризорных детей, не охваченных социальной помощью, рост детской преступности и пр. В других губерниях региона имелись, в общем-то, те же трудности, но поскольку проблема беспризорности стояла в них менее остро, то и справляться с трудностями было легче.

Подобное положение дел сохранялось и в дальнейшем. Даже к середине 1920-х гг. в Иваново-Вознесенской и, особенно, в Ярославской губернии наблюдался один из самых высоких уровней беспризорности. А вот Костромская губерния считалась одной из наиболее благополучных в этом плане: в 1925 г. здесь насчитывалось около 500 беспризорных детей. Это в два раза меньше, чем в Иваново-Вознесенской, и в 3,6 раза меньше, чем в Ярославской губернии.

К концу 1920-х гг., вместе с улучшением ситуации в целом по стране, можно констатировать существенные улучшения и в исследуемом регионе. Возведение задач борьбы с беспризорностью в ранг общегосударственных, привлечение к делу широких кругов общественности, использование самых разных форм борьбы, появление новых источников финансирования позволили сократить численность беспризорных детей в каждой из рассматриваемых губерний до нескольких десятков человек (не более 100 человек). Однако при этом уровень детской преступности оставался очень высоким. Он не только не уменьшался по сравнению с предыдущими годами, но, напротив, продолжал расти. Особенно неблагоприятными в этом плане были крупные губернские города. Кроме детской преступности, большим вопросом в данный период оставалось также материальное положение детских учреждений в регионе. Несмотря на некоторые

улучшения, в большинстве случаев оно по-прежнему было неудовлетворительным. Все эти моменты в совокупности не позволяют считать проблему беспризорности полностью решенной в губерниях Верхнего Поволжья даже к концу 1920-х гг.

В целом, период НЭПа можно без преувеличения назвать одним из самых сложных этапов на пути складывания социальной системы защиты детей. Причиной тому служила во многом сама государственная политика этого времени, вычеркнувшая социальное направление из числа приоритетных. Решение социальных проблем общегосударственного масштаба с легкостью в одночасье было передано на места. И тот факт, что в отдельных регионах, губерниях не справлялись с таким бременем, вина, скорее, центральных властей, чем местных. Более того, именно последним принадлежит основная заслуга по спасению социальной сферы от полного развала и поддержанию ее до того момента, когда государство вновь вспомнит о своих прямых обязанностях.

## Примечания

---

### Введение

<sup>1</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 167.

### Глава 1

<sup>1</sup> Нечаева А.М. Лишних детей не бывает // Семья и школа. 1991. № 12. С. 52 – 53.

<sup>2</sup> Детская беспризорность: Сб. статей. М., 1923. С. 3.

<sup>3</sup> Материалы Первого Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. М., 1991. С. 71.

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 252. Л. 16.

<sup>5</sup> Цит. по: Маро (Левитина М.И.). Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. М., 1925. С. 16.

<sup>6</sup> Первый Всероссийский съезд деятелей по охране детства 2 - 8 февраля 1919 г. М., 1920. С. 12.

<sup>7</sup> Детская беспризорность и детский дом (Сб. статей и материалов Второго Всероссийского съезда СПОН). М., 1926. С. 183.

<sup>8</sup> Народное образование в СССР (по данным текущих обследований на 1 января 1922, 1923 и 1924 гг.). Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921 – 1925 гг. М., 1926. С. 24-25, 28.

<sup>9</sup> ГАРФ. Ф.Р-1575. Оп. 4. Д. 46. Л. 3-5(об.).

<sup>10</sup> Детская беспризорность и детский дом. С. 175.

<sup>11</sup> Детская дефективность, преступность и беспризорность. По материалам Первого Всероссийского съезда. 24.05 – 02.07.1920. М., 1922. С. 19.

<sup>12</sup> Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1918. № 16. Ст. 227.

<sup>13</sup> СУ. 1920. № 13. Ст. 83.

<sup>14</sup> СУ. 1920. № 68. Ст. 308.

<sup>15</sup> Детская дефективность, преступность и беспризорность. С. 18.

<sup>16</sup> Детская беспризорность и детский дом. С. 55.

<sup>17</sup> Маро (Левитина М.И.). Беспризорные... С. 25.

<sup>18</sup> Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО). Ф.Р-13. Оп. 1. Д. 529. Л. 13.

<sup>19</sup> Детская беспризорность и детский дом. С. 13.

<sup>20</sup> Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф.Р-178. Оп. 1. Д. 594. Л. 124 - 139.

<sup>21</sup> ГАРФ. Ф.А-482. Оп. 11. Д. 63. Л. 67.

- 
- <sup>22</sup> Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921 - 1925 гг. С. 28.
- <sup>23</sup> Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.Р-1319. Оп. 1. Д. 80. Л. 78.
- <sup>24</sup> Там же. Л. 88.
- <sup>25</sup> ГАЯО. Ф.Р-178. Оп. 1. Д. 594. Л. 146.
- <sup>26</sup> ГАИО. Ф.Р-1319. Оп. 1. Д. 22. Л. 28.
- <sup>27</sup> Там же. Л. 30.
- <sup>28</sup> Там же.
- <sup>29</sup> Там же. Л. 5.
- <sup>30</sup> ГАРФ. Ф.Р-2306. Оп. 2. Д. 264. Л. 51.
- <sup>31</sup> Там же. Л. 50 - 56.
- <sup>32</sup> Там же. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 168. Л. 16.
- <sup>33</sup> Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 88.
- <sup>34</sup> Там же. Л. 129.
- <sup>35</sup> Там же. Оп. 1. Д. 168. Л. 60.
- <sup>36</sup> Там же. Ф.А-2306. Оп. 14. Д. 86. Л. 8.
- <sup>37</sup> РФ ГАЯО. Ф.Р-13. Оп. 1. Д. 453. Л. 15(об.); Д. 471. Л. 42.
- <sup>38</sup> СУ. 1921. № 55. Ст. 342.
- <sup>39</sup> Наше хозяйство: Орган губернского экономического совещания при Ярославском губисполкоме. 1921 – октябрь – 1922. Ярославль, 1922. № 9-10. С. 128.
- <sup>40</sup> Там же. С. 129.
- <sup>41</sup> Там же. С. 128; Отчет Ярославского губисполкома 1922 – октябрь – 1923. Ярославль, 1923. С. 102.
- <sup>42</sup> РФ ГАЯО. Ф.Р-13. Оп. 1. Д. 49. Л. 37.
- <sup>43</sup> ГАИО. Ф.Р-1319. Оп. 1. Д. 535. Л. 17.
- <sup>44</sup> РФ ГАЯО. Ф.Р-13. Оп. 1. Д. 471. Л. 39; Отчет о деятельности Костромского губисполкома за 1922/1923 г. Кострома, 1923. С. 121.
- <sup>45</sup> Наше хозяйство. 1922. № 9-10. С. 128,129; Отчет о деятельности Костромского губисполкома за 1922/1923 г. С. 124.
- <sup>46</sup> Студитский К. О достижениях в области детских домов к 10-й годовщине Октября // Наш труд. (Ярославль), 1927. № 10. С. 25.
- <sup>47</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 165.
- <sup>48</sup> Там же.
- <sup>49</sup> Там же. Д. 168. Л. 17.
- <sup>50</sup> Дзержинская С. С. В годы великих боев. М., 1964. С. 343.
- <sup>51</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 165.
- <sup>52</sup> Там же. Д. 168. Л. 31.
- <sup>53</sup> Там же. Л. 60.
- <sup>54</sup> Там же. Д. 8. Л. 166.
- <sup>55</sup> Там же. Д. 168. Л. 31, 60.
-

- 
- <sup>56</sup> Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921 – 1925 гг. С. 24 – 25.
- <sup>57</sup> Там же.
- <sup>58</sup> Там же.
- <sup>59</sup> Там же.
- <sup>60</sup> Крупская Н.К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1957 – 1963. Т. 3. 1953. С. 393.
- <sup>61</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 19(об.) – 20.
- <sup>62</sup> РФ ГАЯО. Ф.Р-13. Оп. 1. Д. 49. Л. 46(об.).
- <sup>63</sup> Там же. Д. 221. Л. 5.
- <sup>64</sup> ГАЯО. Ф.Р-131. Оп. 1. Д. 123. Л. 21.
- <sup>65</sup> Наше хозяйство. 1922. № 9, 10. С. 140.
- <sup>66</sup> РФ ГАЯО. Ф.Р-959. Оп. 1. Д. 95. Л. 8.
- <sup>67</sup> ГАЯО. Ф.Р-131. Оп. 1. Д. 125. Л. 11.
- <sup>68</sup> РФ ГАЯО. Ф.Р-413. Оп. 1. Д. 8. Л. 56, 236.
- <sup>69</sup> ГАИО. Ф.Р-1319. Оп. 1. Д. 533. Л. 115(об.).
- <sup>70</sup> Всероссийское обследование детских учреждений. Доклад НК РКИ в Комиссию по улучшению жизни детей при ВЦИК. М., 1921. С. 40.
- <sup>71</sup> ГАИО. Ф.Р-1319. Оп. 1. Д. 533. Л. 115(об.).
- <sup>72</sup> РФ ГАЯО. Ф.Р-13. Оп. 1. Д. 471. Л. 41.
- <sup>73</sup> Отчет Рыбинского губернского экономического совещания на 1 апреля 1922 г. Рыбинск, 1922. С. 294.
- <sup>74</sup> Наше хозяйство. 1922. № 9-10. С. 141.
- <sup>75</sup> Всероссийское обследование детских учреждений. С. 44.
- <sup>76</sup> Там же.
- <sup>77</sup> РФ ГАЯО. Ф.Р-13. Оп. 1. Д. 221. Л. 181.
- <sup>78</sup> Отчет Иваново-Вознесенского губисполкома за 1921/1922 г. Иваново-Вознесенск, 1922. С. 175.
- <sup>79</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 185. Л. 2.
- <sup>80</sup> Наше хозяйство. 1922. № 9, 10. С. 129; Отчет Ярославского губисполкома. 1922 - октябрь - 1923. С. 102.
- <sup>81</sup> СУ. 1921. № 64. Ст. 482.
- <sup>82</sup> СУ. 1923. № 28. Ст. 326.
- <sup>83</sup> СУ. 1925. № 43. Ст. 324.
- <sup>84</sup> ГАЯО. Ф.Р-131. Оп. 1. Д. 123. Л. 21.
- <sup>85</sup> СУ. 1922. № 58. Ст. 731.
- <sup>86</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 185. Л. 2; Д. 168. Л. 58(об.).
- <sup>87</sup> СУ. 1924. № 57. Ст. 559.
- <sup>88</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 185. Л. 57.
- <sup>89</sup> Там же. Л. 58.
- <sup>90</sup> Там же. Л. 15.
- <sup>91</sup> Там же.
-

- 
- <sup>92</sup> Там же. Л. 58.  
<sup>93</sup> Там же. Л. 126-127.  
<sup>94</sup> Там же.  
<sup>95</sup> СУ. 1923. № 74. Ст. 723.  
<sup>96</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 168. Л. 30.  
<sup>97</sup> Там же. Д. 252. Л. 16.  
<sup>98</sup> Там же. Л. 17.  
<sup>99</sup> Там же. Л. 13.  
<sup>100</sup> Там же.  
<sup>101</sup> Там же.  
<sup>102</sup> Там же. Л. 17.  
<sup>103</sup> Там же.  
<sup>104</sup> Там же.  
<sup>105</sup> РФ ГАЯО. Ф.Р-13. Оп. 1. Д. 453. Л. 10.  
<sup>106</sup> Отчет Ярославского губисполкома за 1924/1925 г. Ярославль, 1926. С. 194.  
<sup>107</sup> Народное просвещение в РСФСР к 1926/1927 уч. г. (Отчет Наркомпроса РСФСР за 1925/1926 уч. г.). М.;Л., 1927. С. 64.  
<sup>108</sup> РФ ГАЯО. Ф.Р-13. Оп. 1. Д. 453. Л. 10.  
<sup>109</sup> Отчет о деятельности Костромского губисполкома за 1922/1923 г. С. 123.  
<sup>110</sup> СУ. 1920. № 13. Ст. 83.  
<sup>111</sup> Отчет Кинешемского уисполкома за 1924/1925 г. Кинешма, 1926. С. 127.  
<sup>112</sup> ГАЯО. Ф.Р-178. Оп. 1. Д. 594. Л. 156.  
<sup>113</sup> Народное просвещение в РСФСР к 1924/1925 уч. г. (Отчет Наркомпроса за 1923/24 уч.г.). М., 1925. С. 79.

## Глава 2

<sup>1</sup> Детская беспризорность и детский дом (Сб. статей и материалов Второго Всероссийского съезда СПОН). М., 1926.

<sup>2</sup> Там же. С. 22.

<sup>3</sup> Там же. С. 81.

<sup>4</sup> Там же. С. 33.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же. С. 5.

<sup>8</sup> Там же. С. 24.

<sup>9</sup> Там же. С. 25.

<sup>10</sup> Там же. С. 81.

<sup>11</sup> СУ. 1926. № 19. Ст. 143.

<sup>12</sup> СУ. 1924. № 86. Ст. 870.

<sup>13</sup> Детская беспризорность и детский дом. С. 14.

- 
- <sup>14</sup> СУ. 1919. № 34. Ст. 338; 1922. № 70. Ст. 903.
- <sup>15</sup> СУ. 1922. № 70. Ст. 903; № 39. Ст. 447.
- <sup>16</sup> Детская беспризорность и детский дом. С. 17.
- <sup>17</sup> СУ. 1922. № 39. Ст. 447; 1923. № 57. Ст. 560; 1927. № 44. Ст. 292; Отчет Ярославского губисполкома 1922 – октябрь – 1923. Ярославль, 1923. С. 64; Отчет о деятельности Костромского губисполкома за 1924 г. Кострома, 1925. С. 76.
- <sup>18</sup> СУ. 1928. № 44. Ст. 330.
- <sup>19</sup> ГАЯО. Ф.Р-1682. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
- <sup>20</sup> СУ. 1926. № 56. Ст. 407.
- <sup>21</sup> СУ. 1924. № 3. Ст. 33; 1925. № 8. Ст. 52; 1929. № 33. Ст. 340.
- <sup>22</sup> СУ. 1927. № 65. Ст. 446.
- <sup>23</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 295. Л. 3, 4.
- <sup>24</sup> Трехлетний план борьбы с беспризорностью. М., 1927. С. 12.
- <sup>25</sup> Там же. С. 12, 14.
- <sup>26</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 252. Л. 17; Два года работы. Отчет Иваново-Вознесенского губисполкома за время с 01.10.1926 г. по 01.10.1928 г. Иваново-Вознесенск, 1928. С. 216.
- <sup>27</sup> Отчет Ярославского губисполкома за 1924/1925 г. Ярославль, 1926. С. 193; Отчет Ярославского уездного исполкома. 1925 – октябрь – 1926. Ярославль, 1927. С. 60.
- <sup>28</sup> ГАЯО. Ф.Р-178. Оп. 4. Д. 25. Л. 273; Ф.Р-1682. Оп. 1 Д. 3. Л. 149.
- <sup>29</sup> Климов А. Наши достижения в области трудовой подготовки беспризорных // Вопросы просвещения. (Иваново-Вознесенск), 1927. № 6 - 9. С. 30-31; Отчет о работе Иваново-Вознесенского горсовета за 1926/1927 г. Иваново-Вознесенск, 1927. С. 37.
- <sup>30</sup> Народное просвещение в РСФСР к 1926/1927 уч. г. (Отчет Наркомпроса РСФСР за 1925/1926 уч. г.). М.; Л., 1927. С. 61.
- <sup>31</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 392. Л. 30; Д. 344. Л. 4.
- <sup>32</sup> Там же. Д. 395. Л. 1, 6.
- <sup>33</sup> Народное просвещение к 1929/1930 г. (Отчет Наркомпроса РСФСР за 1928/1929 уч. г.). М.; Л., 1930. С. 39.
- <sup>34</sup> Отчет о работе губисполкома за 1926 – 1928 гг. XVIII Ярославскому губернскому съезду Советов. Ярославль, 1929. С. 131.
- <sup>35</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 392. Л. 39.
- <sup>36</sup> Народное образование в СССР: Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921 – 1925 гг. М., 1926. С. 24 – 25; Народное образование в СССР в 1926/27 уч. г.. М., 1927. С. 22; Народное просвещение в РСФСР в 1927/28 уч.г. М., 1929. С. 4, 162 – 167.
- <sup>37</sup> Там же.
- <sup>38</sup> Народное образование в СССР: Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921 – 1925 гг. С. 24 – 25; Краткие материалы о рабо-
-

---

те Ярославского губернского исполкома за 2 года (1926/1927 и 1927/1928 гг.). Ярославль, 1928. С. 77.

<sup>39</sup> Народное образование в СССР: Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921 – 1925 гг. С. 24 – 25; Два года работы. Отчет Иваново-Вознесенского губисполкома за время с 01.10.1926 г. по 01.10.1928 г. С. 218.

<sup>40</sup> СУ. 1926. № 19. Ст. 143; № 43. Ст. 330; 1928. № 37. Ст. 277; № 48. Ст. 366; № 64. Ст. 462.

<sup>41</sup> ГАЯО. Ф.Р-1682. Оп. 1. Д. 1. Л. 36(об.).

<sup>42</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 395. Л. 4.

<sup>43</sup> Там же. Д. 392. Л. 25.

<sup>44</sup> СУ. 1925. № 66. Ст. 529.

<sup>45</sup> СУ. 1926. № 21. Ст. 168; 1927. № 65. Ст. 446; 1928. № 27. Ст. 196; № 58. Ст. 429; № 64. Ст. 462.

<sup>46</sup> СУ. 1928. № 44. Ст. 331.

<sup>47</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 395. Л. 5.

<sup>48</sup> Там же.

<sup>49</sup> Отчет о работе губисполкома за 1926 – 1928 гг. XVIII Ярославскому губернскому съезду Советов. С. 130.

<sup>50</sup> Два года работы. Отчет Иваново-Вознесенского губисполкома за время с 01.10.1926 г. по 01.10.1928 г. С. 217.

<sup>51</sup> Там же; Отчет о работе губисполкома за 1926 – 1928 гг. XVIII Ярославскому губернскому съезду Советов. С. 129-130; Отчет Ярославского уездного исполкома. 1925 – октябрь – 1926. С. 60.

<sup>52</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 392. Л. 29.

<sup>53</sup> Народное просвещение в РСФСР к 1929/1930 г. С. 38; Народное просвещение в РСФСР к 1926/1927 уч. г. С. 62.

<sup>54</sup> СУ. 1925. № 76. Ст. 589.

<sup>55</sup> Цит по: Фрадкин Ф., Плохова М. История расправы с педологией // Воспитание школьников. 1991. № 6. С. 21.

<sup>56</sup> Там же. С. 22.

<sup>57</sup> Цит по: Меньшиков В. Приговор... себе. (О разгроме педологии как лженауки в 1930-е годы) // Народное образование. 1991. № 8. С. 91.

<sup>58</sup> ГАЯО. Ф.Р-178. Оп. 4. Д. 25. Л. 295.

<sup>59</sup> РФ ГАЯО. Ф.Р-13. Оп. 1. Д. 21. Л. 8.

<sup>60</sup> Отчет Ярославского губисполкома за 1924/1925 г. С. 193.

<sup>61</sup> Детская беспризорность и детский дом. С. 192.

<sup>62</sup> ГАИО. Ф.Р-1319. Оп. 1. Д. 528. Л. 4(об.), 29; Д. 533. Л. 38-39; Отчет Ярославского губисполкома за 1924/1925 г. С. 193; Отчет Рыбинского горuezдного исполкома за 1924/1925 г. Рыбинск, 1926. С. 111-112; ГАЯО. Ф.Р-178. Оп. 1. Д. 2685. Л. 35, 43, 60; Д. 612. Л. 36 и др.

- 
- <sup>63</sup> Отчет Ярославского уездного исполкома. 1923 – октябрь – 1924. Ярославль, 1925. С. 56.
- <sup>64</sup> СУ. 1924. № 86. Ст. 870.
- <sup>65</sup> Детская беспризорность и детский дом. С. 230-234.
- <sup>66</sup> Там же. С. 232.
- <sup>67</sup> ГАИО. Ф.Р-1319. Оп. 1. Д. 1452. Л. 3.
- <sup>68</sup> Там же. Л. 4(об.); Д. 1240. Л. 117 и др.
- <sup>69</sup> Народное образование в СССР: Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921 – 1925 гг. М., 1926. С. 28; Народное просвещение в РСФСР в 1927/1928 г. М., 1929. С. 156 – 173.
- <sup>70</sup> ГАЯО. Ф.Р-178. Оп. 4. Д. 46. Л. 1.
- <sup>71</sup> Народное образование в СССР: Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921 – 1925 гг. С. 28.
- <sup>72</sup> Народное просвещение в РСФСР (статистический сборник). М.; Л., 1928. С. 52-53.
- <sup>73</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 392. Л. 44.
- <sup>74</sup> Там же. Д. 395. Л. 6.
- <sup>75</sup> Народное просвещение в РСФСР в 1927/1928 г. М., 1929. С. 179.
- <sup>76</sup> Ржевский Г. Беспризорность и наши задачи // Вопросы просвещения. (Иваново-Вознесенск), 1926. № 3-4. С. 4.
- <sup>77</sup> Краткий отчет о работе Ярославского горсовета за 1925/1926 г. Ярославль, 1926. С. 42.
- <sup>78</sup> Отчет Ярославского губисполкома за 1924/1925 г. С. 194.
- <sup>79</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 392. Л. 19.
- <sup>80</sup> Отчет о работе Иваново-Вознесенского горсовета за 1927/1928 г. Иваново-Вознесенск, 1928. С. 81.
- <sup>81</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 392. Л. 19.
- <sup>82</sup> Там же. Д. 395. Л. 4.
- <sup>83</sup> Артамонов П. Наши достижения в деле народного образования в губернии за 10 лет // Вопросы просвещения. (Иваново-Вознесенск), 1927. № 6-9. С. 12.
- <sup>84</sup> Отчет о работе губисполкома за 1926 – 1928 гг. XVIII Ярославскому губернскому съезду Советов. С. 131.
- <sup>85</sup> ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 395. Л. 4.
- <sup>86</sup> Там же. Д. 392. Л. 19.
-